

ДВ 84 (2 Рос = 120) 6-4
К 95
Антонина Кухтина

ОДНА ЖИЗНЬ

РАССКАЗЫ-БЫЛИ,
ЮМОРЕСКИ,
ОКОЛОФАНТАСТИКА

Коллекционному отделу
Библиотеки
им. Осиповского
от автора на годично
наслед.

27.02.08

Алекс

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

--

ДВ 84(2 Doc = Dyo) 6-4
к 95

АНТОНИНА КУХТИНА

ОДНА ЖИЗНЬ

152238 к
888888
~ 11

**РАССКАЗЫ-БЫЛИ,
ЮМОРЕСКИ,
ОКОЛОФАНТАСТИКА**

Комсомольск н. а.
МУК ГДБ
Хабаровский край

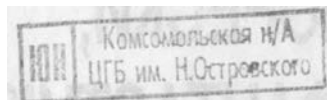
*г. Комсомольск-на-Амуре
2007 г.*

Рецензент: **Хлебников Г. Н.**

Редактор: **Щербакова О. Е.**

*Компьютерный набор,
составление, оформление и вёрстка **автора***

Сборник издан на средства **автора**

© **Кухтина А. Н.**

ОДНА ЖИЗНЬ. Рассказы-были, юморески, околочантасстика.

© **Кухтина А. Л.:** *Фотографии*

Замечания о творчестве Антонины Кухтиной

1

С большим интересом прочитал я рассказы Антонины Кухтиной. Считаю, что они достойны занять свое место в нашей русской литературе, быть изданными и представленными широкому кругу читателей. И здесь мне хочется обратиться к высказыванию о литературном произведении нашего классика Льва Толстого. Нет выше его авторитета!

Он говорит: «Я давно уже составил себе правило судить о всяком художественном произведении с трех сторон:

1) со стороны содержания - насколько важно и нужно для людей то, что с новой стороны открывается художником, потому что всякое произведение тогда только произведение искусства, когда оно открывает новую сторону жизни;

2) насколько хороша, красива, соответственна содержанию форма произведения и

3) насколько искренно отношение художника к своему предмету, то есть, насколько он верит в то, что изображает. Это последнее достоинство мне кажется всегда самым важным в художественном произведении. Оно дает художественному произведению его силу, делает художественное произведение заразительным, то есть, вызывает в зрителе, слушателе и читателе те чувства, которые испытывает художник...»

Рассказы «Афганистан» и «Одна жизнь» (быль) отвечают этим строгим требованиям. Оба рассказа открывают новую страничку нашей русской драматической жизни. Это я могу засвидетельствовать, опираясь на свой опыт общения с русской литературой разных эпох на протяжении восьмидесяти

лет. Для меня все оказалось новым в рассказе «Афганистан», ведь, чего греха таить, в свое время всячески замалчивали правду об афганских событиях. И потому письма офицера - «афганца» помогут читателю узнать трагические стороны этих событий на бытовом, личностном уровне. А такая правда всегда объективна.

То же можно сказать и о рассказе «Одна жизнь». Содержание его потрясает и возвеличивает образ простой русской женщины, вынесшей на плечах своих неимоверную тяжесть бытия. Да и продолжающей эту тяжесть нести...

Признаюсь, что впервые читаю такие рассказы, как «Печальные приключения поселкового Пинкертона» и «Особые обстоятельства». Великолепны эти юморески, написанные в стиле аллитерации. Стихи мне такие попадались не раз, но проза - впервые. Написать их может только тот, кто обладает обширным русским словарем и чувством юмора.

И тут надо сказать, что и язык, и форма изложения у автора отвечают требованиям классика. Искренность, вера в то, что он изображает. Особенно, искренность! Она заметна сразу и в рассказах автора, и в его стихах.

9.07.03

2

«Жизнь надо беречь...» - Эти слова принадлежат прозаику и поэту Антонине Кухтиной. Это её кредо, которым она руководствуется в своём творчестве.

Вот и новые рассказы Кухтиной подтверждение тому. «Вражда», «Улика», «Выбор», «Поцелуй» - все эти рассказы читаются на одном дыхании и производят глубокое впечатление.

Чем привлекает нас автор? Это и формой, и остротой сюжета, и искренностью. Чувствуется, что события, запечатлённые в рассказах, взяты из жизни, чувства героев близки и понятны автору, вместе с ними она переживает их неудачи, их желание бороться против того, что делает нашу жизнь трудной. Возьмите тот же рассказ «Вражда». Там речь идёт о давней вражде двух семейств, вернее, их стариков, в Гражданскую войну воевавших друг против друга. В нынешние, тяжкие времена мы видим, как произрастают эти семена раздора. А в рассказе «Выбор» речь идёт о почти что ставшем обычным явлении - отказа матери от своего ребёнка. Эта же тема и в рассказе «Поцелуй».

Рассказы написаны хорошим языком, профессионально и не требуют редакторской правки. Они возбуждают у читателя желание «беречь жизнь...», то есть, бороться за укрепление высокой духовной нравственности русского народа.

Новые рассказы Антонины Кухтиной облагораживают страницы любого издания.

В заключение хочу сказать: в добрый путь, Антонина Кухтина, не легок этот путь, но Ваша поступь будет увереннее с каждым новым шагом.

24.05.2004 г.

Геннадий Хлебников — член Союза Писателей России, Первостроитель и Почётный гражданин г. Комсомольска-на-Амуре

Кухтина Антонина Николаевна (стихи, рассказы)

Родилась в деревне Каменке Боготольского района Красноярского края (1.12.48).

Стихи начала писать с десяти лет. Большое влияние на неё оказали стихи Есенина, Пушкина, Асадова.

Член ЛИТО Комсомольска-на-Амуре с 2002 года, член Союза российских писателей Дальневосточного межрегионального писательского общества с 2005 года.

Стихи и рассказы печатались:

- в газетах: «Знамя Ленина» (г. Боготол), «Панорама», «Дальневосточный Комсомольск», «Солнышко», «Дальневосточная магистраль», «За сталь», «Контакт» (Междуреченск), «Ваше право»;

- в коллективных сборниках: «Писатели города Комсомольска-на-Амуре» («Детские писатели» - кн. первая, «О времени и о себе» - кн. вторая, «ЛИТО 2005» - кн. третья, «Творческие портреты» - кн. четвёртая), «Солнцестояние», «Откровение сердца», «Прекрасней нет любимого лица», «Комсомольск литературный» (1, 2, 3, 4, 5, 6);

- в журналах: «Экология и жизнь», «Экумена» (альманах);

- Самостоятельно выпущены сборники: «Журавушка» и «Первоцветы» (вместе с Мирчук Т.А.), «Дороги и судьбы» (вместе с Ионовой В.П.), «Поздравляю Вас!», «Медвежка и другие...», «Стихи детям», «Волшебное зеркало», «Ёжик, Медвежка и другие...».

РАССКАЗЫ - БЫЛИ

ОДНА ЖИЗНЬ

В шестнадцать лет Любашу выдали замуж. При этом старший брат даже не удосужился спросить, хочет ли она замуж, хочет ли уезжать в другую деревню и жить в большой семье совершенно незнакомых ей людей. Да и будущего-то мужа, Никанора, она впервые увидела только перед свадьбой. Невысокий, симпатичный чернявый паренек понравился, и это несколько примирило ее с происходящим. Да и чего еще ждать сироте? Все окружающие были уверены, что ей очень повезло: попала в крепкую зажиточную, по крестьянским меркам, семью. Да и муж - любо-дорого посмотреть!

Но, в общем-то, в ее жизни мало что изменилось. Рано оставшаяся сиротой, с детства привыкшая к тяжелому крестьянскому труду, она давно заменила братьям и младшей сестре мать. Нищета, полуголодное существование, домашние заботы и труд, труд...

Однако, они, как ни странно, только закалили и укрепили ее приветливый, покладистый характер. По первому зову она спешила на помощь, легко уживалась с людьми. Была мастерица на все руки. В редкие минуты отдыха могла и спеть, и сплясать так, что все только ахали. Придя в семью мужа, она практически оказалась в той же среде. Все та же тяжелая крестьянская работа, и все также любой мог сорвать на ней свое плохое настроение, недовольство чем-то. Появление новой бесплатной работницы, почти батрачки, в семье только приветствовалось. Но она не жаловалась - была привычна, да и на что могла рассчитывать сирота?

Семья, в которую она вошла, состояла из нескольких поколений, была довольно большая, со своим укладом, привычками, обычаями. Настоящей хозяйкой и домоправительницей была свекровь. Она одна иногда жалела невестку, но от нее же и доставалось больше всех. Здесь же на равных правах со всеми жила невестка Христинка - вдова погибшего в Гражданскую войну старшего сына. Как потом выяснилось, именно она и явилась главной причиной того, что Никанора так поспешно и почти насильно оженали. Молодая вдовушка быстро прибрала к рукам

симпатичного, но довольно ветреного паренька. Однако их почти явные отношения не прекратились и после свадьбы Никанора. Но сколько слез было пролито молодой женой по ночам в подушку после очередных явных доказательств, об этом не знал никто. Разумеется, остальные домочадцы тоже были прекрасно осведомлены обо всем, но все делали вид, что ничего не происходит. Ну, а если нужно было найти виновного, то лучшего кандидата на эту роль, чем сирота, конечно же, не существовало. Все еще больше осложнялось тем, что у них не было детей. И каждый, от мала до велика, мог при всех выкрикнуть ей в глаза: «Где твои дети? Ты детей своих поела!». А Христинка, оставшись наедине, ехидно шептала: «Это я «сделала» ему, чтоб у него не было детей. Нам-то они ни к чему».

Так прошло шесть лет... Любаша молча сносила все оскорбления и укоры новоприобретенных родственников, была все также добра, приветлива и трудолюбива. И повзрослевший, возмужавший Никанор, видимо, вдруг разглядел, какая у него терпеливая, работающая красавица-жена, признанная певунья и плясунья на нечастых деревенских гулянках. Всегда внешне спокойная, улыбающаяся - даже самые близкие не догадывались, какой ад творился иногда в её душе. И прозревший мужик стал все больше уделять внимания собственной жене. Христинку это бесило, но Никанор к тому времени совершенно охладел к ней. Любаша словно на крыльях летала, все, как говорится, горело в ее руках. Но детей так и не было...

Однажды, оставшись наедине, муж сказал ей, что это не она виновата, что это Христинка ему «сделала». Он даже вспомнил ту гулянку, когда все плясали, и кто-то специально плеснул на него водой.

- Мне надо лечиться, надо искать деда или бабуку.

Любаша горячо поддержала мужа. В соседней деревне жил такой дед. Говорили, что он был очень сильным в этом деле, как сейчас бы сказали, в белой магии. Люди к нему приезжали не только из ближних и дальних деревень, но и из города Боготола, и даже порой из Красноярска заглядывали. Молодые тайком обратились к нему, рассказав все, как на духу. Дед подумал и сказал:

- Помогу. Но приезжать придется несколько раз. Согласны ли?

Они, разумеется, были согласны на все...

Перед полночью дед усадил их рядом и сказал:

- Что бы ни случилось, молчите и держите друг друга за руки. Что бы ни случилось! Выдержите - все будет хорошо! - и стал что-то приговаривать.

Ровно в двенадцать как полезла отовсюду нечисть, то ли черти, то ли непонятно что. Они появлялись с потолка, со стен, скакали, кривлялись, пытались разъединить их руки, оторвать друг от друга, заставить заговорить. Любаша и Никанор сидели, как каменные, крепко сжав руки друг друга. Как только запел первый петух, вся нечисть исчезла. Дед похвалил их и сказал, что результат они скоро увидят, но приезжать придется еще, возможно, даже несколько лет.

По дороге домой муж и жена делились своими впечатлениями и, оказалось, что они видели, слышали и чувствовали одно и то же, одних и тех же «чертенят», одни и те же действия этой нечисти.

Когда в очередной раз Любашу громко упрекнули, что она «поела своих детей», молодая женщина спокойно и с достоинством ответила, что дети у неё обязательно будут. Вскоре родился Ванюшка, затем Маринка. Многочисленная родня мужа притихла, молодые были счастливы.

И только одно омрачало их существование. За ежедневными крестьянскими делами порой Никанор забывал, что пора съездить к деду. Такая забывчивость платила ему жуткими болями, а, может, и оскорбленная Христинка чем-то «помогала». Однажды, когда Любаша уже носила под сердцем третьего, Колюшку, они были в гостях. Подошел к ней муж с посеревшим лицом и предложил немедленно ехать к деду. Но это было бы странно и нелепо для хозяев, и Любаша предложила съездить, как только вернутся домой. Муж согласился. К вечеру поехали домой, но чувствовал себя Никанор очень плохо, его мучили страшные болезненные приступы. Приехав домой, он тут же куда-то ушел. Сначала на это не обратили внимания, а потом оказалось, что уже поздно: Никанор повесился...

И только дети, ее дети, не дали ей сойти с ума...

Само собой разумеется, что невестка с тремя детьми оказалась всем такой обузой, что ее быстренько, как говорится, отделили, то есть, отселили, выделив коровенку, лошаденку и кое-что из имущества. А были это очень непростые и беспокойные годы коллективизации. Молодая женщина привычно трудилась с утра до ночи, чтобы хоть как-то обеспечить себя и детей и подготовиться к рождению третьего ребенка.

А потом был ночной стук в окно. Верный человек сообщил ей, что завтра придут ее раскулачивать, ведь у нее такое зажиточное хозяйство: и корова, и лошадь... Собрав детей и взяв только самое необходимое, она бросилась к своему дяде Силину, который жил в этой же деревне...

Утром они были уже в городе Боготоле. Как ни странно, никто их не преследовал. Что стало с покинутым убогим домишком и хозяйством - неизвестно. А родственники мужа просто исчезли из ее жизни и жизни ее детей и никогда больше не напоминали о своем существовании. А ведь деревня-то находилась всего в сорока километрах от города. Но молодой женщине было не до них.

Ей приходилось работать на самых тяжелых и низкооплачиваемых работах, чтобы дети не умерли от голода. Иногда помогали ее родственники, которые сами были ненамного богаче. Одну зиму ей с детьми вообще пришлось жить в землянке. Это в Сибири-то, в Красноярском крае! Понемножку, худо-бедно, но жизнь налаживалась. Маринка очень рано стала ее главной помощницей и опорой. Да и мальчишки росли, в общем-то, серьезными и деловыми мужичками.

Так проходили годы...

Пыталась она устроить и свою личную жизнь, но как-то все выходило неудачно. Например, один из мужей украл деньги, собираемые на покупку домика, и пытался сбежать на Дальний Восток. Только благодаря всё тому же дядьке Силину, переехавшему к тому времени в город, подлый мужичонка был перехвачен по пути...

Она еще дважды рожала. Но Володя был очень слабеньким и умер в пять месяцев. А вот Витя оказался покрепче. К то-

му времени выяснилось, что у Любаши большое сердце. И всё больше ответственности и домашних дел ложилось на хрупкие плечи маминой помощницы - Маринки, не по годам серьезной и такой же работающей. В школе девочка училась хорошо. Все схватывала на лету, особенно ей нравилась математика. Но даже пятый класс ей окончить так и не пришлось. После того, как Любашу в очередной раз увезли прямо с работы с сердечным приступом в больницу, ее товарки, искренне жалея молодую женщину, проявили активность, и четырехлетнего Витю забрали в детдом, несмотря на слезы и просьбы остальных детей. Когда же мать выписали, то ребенка уже увезли из города. Сколько кабинетов прошла эта мужественная стойкая женщина, чтобы узнать, где ее сын, но никто не мог или не хотел ей помочь. Ответ всегда был один: неизвестно...

Прошло три года. И вдруг они получили письмо, написанное корявым детским почерком. Адрес ребенок узнал у директора детдома, но, скорее всего, сам директор и надоумил несмышлёныша написать маме. Любаша тут же поехала и забрала его. Это был очень худенький, почти прозрачный мальчик. Судя по его рассказам, они в детдоме часто просто голодали. В семье тоже не было особых разносолов, но сажали огород, и картошка уж была всегда. Да и все члены семьи старались хоть как-то подкормить младшенького. Но еще долго не могли отучить ребенка припрятывать еду на черный день. При стирке Маринка во всех кармашках рубашек и штанишек еще долго находила картошку, засохшую или прокисшую. Когда он садился за стол, то обязательно прятал под себя пилоточку, чтобы не украли. Эта детдомовская привычка еще долго доводила до слез и мать, и сестренку.

А жизнь шла. Дети подрастали... И тут началась война. Тогда все жили по принципу: всё для фронта, всё для победы. Пришлось переехать в ближайшую деревню. По крайней мере, там хоть не умерли бы с голоду. Ивана забрали в армию. Вернулся он без руки, с осколками в груди. Кстати, у него был красивый сильный голос, он чудесно пел и даже после его смерти еще долго вспоминали «того Ивана», который как запоет, так даже десятилинейные лампы в доме гаснут. Иван женился, но

прожил недолго, в пятидесятых годах умер от туберкулеза, да и осколки, видно, поспособствовали. Через год умерла его жена. Три девочки остались круглыми сиротами. Но это уже другая, хоть и не менее трагичная, история. А Витя умер в шестнадцать лет от водянки. Видно, не прошли даром голодные детдомовские годы...

Любашу парализовало, когда она пропалывала грядки. Было ей тогда шестьдесят четыре года. Николай с семьей жил в это время на Сахалине. Три месяца лежала она совершенно беспомощная и неподвижная. Дочь с зятем и внуки все время были рядом с ней, дежурили и днем, и ночью. Со временем рассудок ее стал мутиться, она почти перестала есть. Врачи удивлялись: какое крепкое сердце! Это ее-то больное, изношенное сердце! Лекарства почти не помогали. Часто ее мучили сильные боли, она кричала: «Мама! Мама!». Это было единственное слово, которое она могла сказать внятно.

Однажды ночью, как всегда, дочь дежурила около нее. Любаша уснула. Дочь тоже задремала. И вдруг словно кто-то толкнул ее. Она взглянула на мать и всё поняла. Любаша лежала удивительно помолодевшая, с просветленным безмятежным лицом. Отмучилась... А ведь когда-то, когда никто не мог ее переплясать, она, смеясь, говорила: «Я даже умирать буду, а ногой да топну!»... Не топнула...

В это же время трое ее внуков и зять, спавшие в других комнатах, почему-то внезапно проснулись и, не говоря ни слова, все столпились в дверях бабушкиной комнаты...

6.07.03

ВРАЖДА

- Что-о? Жениться на этой, этой! - от возмущения дед Василец не смог сразу подобрать подходящее слово. - На этой... партизанке? - будто выплюнул наконец он и так стукнул кулаком по столу, что даже зашипел от боли. Несмотря на более чем солидный возраст, в нём ещё чувствовались и былая сила, и жёсткий, временами даже жестокий характер.

- Да мы с её батькой в Гражданскую лупили друг друга, а ты жениться?! Ни-ко-гда!

Но внук Колька недаром был его внуком. Он тоже хряснул кулаком об стол:

- А я женюсь! И точка! И хватит уж вспоминать времена царя Гороха! Манечка - хорошая девка, полюбилась она мне. Да и поздно уже раздумывать, тяжёлая она...

Тут в разговор вмешался Петро, сын деда Васильца и отец Николая:

- Не те времена, батя, чтоб вспоминать, кто кого и когда лупил. А Манечкин батька всё-таки бывший командир партизанского отряда. Его карточка вон даже в городском музее висит. С таким и породниться не грех. Смотришь, и нам какое послабление будет. А то уж больно на нас некоторые косятся. Всё никак простить не могут...

Дед Василец даже подпрыгнул на лавке:

- А чего, чего прощать-то? Перед законом мы чисты, никто ничего не докажет! А что болтают, так собака лает - ветер носит. А доказательств-то и нету, не-е-ту-у, - он издевательски развёл руками...

Свадьбу, не свадьбу, но вечеринку всё-таки собрали.

Давно отгремела Гражданская война, уже собрала свой скорбный урожай и Великая Отечественная, а бывшие классовые враги, наверное, впервые вот так сидели за общим праздничным столом. Манечкин отец, ещё крепкий мужик, имевший одиннадцать дочерей и двоих сыновей, хмурил брови, недовольно зыркал взглядом в сторону вынужденных новоявленных родственников, но молчал, сопел и опрокидывал рюмку за рюмкой. Деда Васильца предусмотрительно посадили за другим концом стола.

Он тоже опрокидывал рюмку за рюмкой, несмотря на предостерегающие взгляды и незаметные тычки родственников, хихикал, что-то рассказывал рядом сидящим и победоносно поглядывал на угрюмого свата. Веселились, в основном, женщины и молодёжь. Пелись и современные, и старинные обрядовые песни. Молодых осыпали зерном, с шуточками-прибауточками одаривали подарками. В общем, всё шло, как и полагается.

И вот, когда вечеринка уже была в самом разгаре и Манечкиного отца попросили сказать тост, он встал, внимательно осмотрел всех, особо остановившись взглядом на раскрасневшемся лице деда Васильца, чуть усмехнулся и произнёс:

- А тост мой будет такой: за Советскую власть! - выпил, закусил и только тогда сел.

Уже порядком набравшийся дед Василец, позабывший все предварительные уговоры и увещевания родни, демонстративно отставил гранёную стопку и громко произнёс:

- Ну уж нет! Пей за неё сам! А мы вашего Лазо в топке жгли! Жалко, что ты нам тогда не подвернулся! Хорошо бы горел!

И... свадьба переросла в яростную потасовку. Но опомнившиеся родственники скрутили деда Васильца, громко уверяя собравшихся, что старик совсем свихнулся, сам не знает, что брешет, и куда-то увели-уволокли под вопли голосивших баб. Бывший партизанский командир, схватив дочку за руку, кричал:

- Ноги моей больше не будет в этом белогвардейском гнезде! И её ноги тоже не будет!

Манечка же цеплялась за растерянного Николая и голосила-причитала:

- Тятенька, родненький! Никуда я отсюда не пойду! Муж он мне, муж!

Через неделю дед Василец скоростижно скончался. А ещё через два месяца Манечка прибежала домой вся в слезах и синяках. К мужу она больше не возвращалась. Расписаться они ещё не успели, поэтому новорожденному были даны отчество и фамилия деда-партизана. А назвали его Иннокентием, Кешкой.

Через некоторое время и отец, и мать Кешки уехали в город и там, уже каждый по отдельности, стали устраивать свою

судьбу. Кешку родственники отца не признавали. Дед-партизан через несколько лет умер от рака желудка. Так и рос парнишка, в общем-то, никому не нужным. И только бабушка, терпеливая и многострадальная бабушка искренне и горячо любила внука. Кешка отвечал ей тем же. Был он на удивление незлобивым, немного мешковатым, молчаливым, застенчивым пареньком. Окончил восемь классов, но из деревни не уезжал, работал здесь же, в лесничестве.

Когда Кешка уже служил в армии, в часть пришла телеграмма: «Умерла бабушка». Но на похороны его непустили, объяснили: не отец ведь и не мать, всего лишь бабушка. И тогда он сбежал. Добравшись до деревни, домой заходить не стал, а сразу пошёл на кладбище. Через два дня за ним приехали. Нашли его всё там же, на кладбище, опухшего от слёз. Он молча лежал на могиле бабушки и совсем не сопротивлялся, когда его уводили. К счастью, на этот раз нашлись умные головы и строго наказывать парня не стали.

После армии возвращаться ему практически было некуда, и он поехал к матери. У той давно уже была другая семья, подрастали две дочери. Семья занимала две комнаты в большой коммунальной квартире. Кешка пожил у них с неделю, устроился на работу и ушёл в общежитие.

Но, видимо, ему, спокойному и домашнему по натуре, очень хотелось иметь свою семью, свой дом. И через полгода он женился, пошёл, как говорят, в примачи. Однако семейная жизнь не получилась и не только по его вине. После рождения сына он опять ушёл в общежитие. Стал выпивать. За участие в пьяной драке получил срок, два года. Отсидев, уехал в другой город, а через полгода нашли его в петле на чердаке какого-то дома. Официальная версия гласила: самоубийство. Неофициально же все утверждали, что что-то тут не так, что кто-то ему «помог» и, скорей всего, его повесили, но кто и за что, выяснять, конечно, никто не стал.

Сейчас его сыну уже под тридцать. У него другая фамилия, другое отчество и даже другое имя. И, скорей всего, он не знает правды о своём настоящем отце. А жалко Кешку. В общем-то, хороший был мужик...

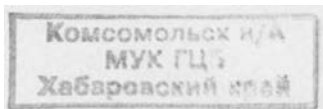
11.05.04

ВАЛЮШКА

Томская область... Уже далёкие шестидесятые годы прошлого века... Осень... Хлебоуборка... И почти в каждой деревне обязательная составляющая сей битвы за урожай - многочисленные студенческие отряды. Кто прошёл через это, тот наверняка помнит исторически сложившуюся странную закономерность: почему-то мужская половина главных помощников в хлебоуборке быстро находила общий язык с местными красавицами, а вот между недавними абитуриентками и их деревенскими ровесницами тут же возникали натянуто-неприятные отношения. И с чего бы это?

Но с Валюшкой мы подружились как-то крепко и сразу. Она, единственная из деревенских девчат, почти с первого дня свободно приходила на нашу территорию, давала ценные практические советы по обустройству нехитрого быта, вместе с нами пела у студенческого костра. Искренне озабоченная нашими проблемами, по первой же просьбе приносила иголки, нитки, молотки, гвозди и какие-то другие мелочи, о которых нам и не подумалось в городе, но которые оказались такими необходимыми именно здесь и именно в данный момент. Плотная, крепко сбитая, совсем не красавица, она была удивительно светлым и открытым человеком, постоянным источником доброжелательной созидательной энергии, готовности посоветовать и помочь. А как заразительно она смеялась! Это удивительно, но рядом с ней и другие непроизвольно старались быть добрее и проще.

Мы с Людой - две девчонки из небольших тихих городков - особенно подружились с ней. Часто бывали у неё дома, познакомились с родителями. Тётя Настя встречала нас, как родных, тут же усаживала за стол, наливала домашнее (!) молоко и угощала какими-то необыкновенно вкусными булочками. Странно, но в этом доме умели любого пришедшего встретить так, что он чувствовал себя здесь самым главным и необходимым. Человека окружали искренним вниманием, заботой, расспрашивали, что-то рассказывали сами, и время гостевания всегда пролетало незаметно. С тех пор прошло почти сорок лет, но я до сих пор хорошо помню, как не хотелось уходить от них.

898888
153888

К гостям обязательно выходил Валюшкин отец. Видно было, что он намного старше жены, но чувствовалось между ними такое взаимопонимание и какая-то необъяснимая словами внутренняя согласованность, что даже не верилось, что так может быть на самом деле.

По рассказам Валюшки, последнее время дядя Паша стал сильно прибалывать, поэтому в колхозе не работал, подшивал валенки, копался в огороде, помогал тётке Насте по хозяйству, топил баню, куда, конечно же, приглашали и нас. Какое же это блаженство: после тяжёлого, непривычного нам крестьянского труда настоящая деревенская баня с обязательным затем неспешным чаепитием (мы-то с Людой больше пили молоко) с ароматными воздушными булочками и обстоятельными разговорами обо всём. В их доме всем было уютно и тепло.

Иногда эти разговоры касались будущего Валюшки. И тут возникала какая-то странность. Весной она окончила среднюю школу. Училась очень хорошо и все были уверены, что уж Валюха-то поступит в любой ВУЗ. Но та вдруг категорически отказалась уезжать куда-либо. В школе она была главным организатором и сельской, и школьной самодеятельности, неплохо пела, читала стихи. А уж как зажигательно отплясывала цыганочку, мы убедились сами на одном из самодеятельных концертов. Через неделю после выпускного бала она уже работала завклубом. И друзья, и учителя были просто шокированы таким поворотом. А больше всех, конечно, расстроились родители:

- Да что ж, мы тебя не выучим, что ли? Ладно, не поступала нынче, так поступай на следующий год. Вон какая у студентов интересная жизнь! Да и выучишься, станешь специалистом, плохо, что ли? Не век же тебе в деревне сидеть!

Однако, Валюшка мягко, но решительно обрывала все подобные разговоры:

- Я уже всё решила. Никуда не поеду. На кого же я вас-то оставляю? Ну, уж нет! Вот поработаю, а там жизнь покажет. Захочу учиться, так Сеня меня всегда отпустит. Правда, Сенечка?!

Её официальный жених Сеня, очень серьёзный и очень молчаливый местный механизатор, сидел тут же и в неизменно-

ных количествах потрещал заботливо подливаемый чай и подсовываемые тётей Настей тающие во рту булочки. Сенечка заранее был абсолютно согласен со всем, что скажет его ненаглядная Валюшка, и только утвердительно и солидно кивал головой.

Уже перед самым отъездом Люда, выросшая без отца, сказала Валюшке:

- Тебе здорово повезло, у тебя такие отец и мать, просто замечательные!».

И тут Валюшка как-то странно усмехнулась и тихо сказала:

- А ведь они мне не отец и мать...

Помолчала и добавила:

- Но я их очень люблю! Они мне роднее отца с матерью...

И мы услышали невероятную историю.

Любаня и Андрей поженились перед войной. В сороковом году у них родились двойняшки. Третьего сына Любаня родила, когда муж уже был на фронте. А в сорок третьем пришло извещение, что Андрей пропал без вести... Нужно было как-то жить... Любаня оставила детей в деревне у родителей, а сама уехала в город, стала работать на заводе...

Давно закончилась война, а Андрей как в воду канул. Шли годы. Любаня получила комнату в коммуналке и забрала детей в город. Её мать к тому времени скоростижно умерла. И отец, ещё крепкий, здоровый мужик, остался в деревне один. Любаня как-то пыталась наладить личную жизнь, но семейного счастья так и не получилось...

А в пятидесятом году вдруг объявился... Андрей. Из скупых немногословных объяснений оказалось, что он попал в плен, бежал, его поймали, но он опять бежал, а затем уже наш, советский, лагерь... И только мысли о жене и детях помогли ему выжить и вернуться...

Когда он, прихрамывая, вошёл в комнату и молча остановился у двери, Любаня побелела, как полотно, и тихо сползла на пол. Трое мальчишек с изумлением и страхом смотрели на обросшего незнакомого дядьку. А на кровати лежала двухмесячная Валюшка...

Примирение было долгим и мучительным. Здесь было всё: и пьяные побои, и униженные слёзы покаяния, и долгожданное прощение, но с одним условием: чтоб этой приبلуды здесь и духу не было!

Счастливая и одновременно несчастная Любаниа привезла внучку деду, и с тех пор никто из них ни разу не появился в деревне. Даже новости доходят только через чужих людей. Сейчас у Любаниа и Андрея пятеро детей, внуки, живут они хорошо, дружно. И слава Богу!

А Валюшка? Валюшка так и осталась с дедом. Недели через две в дом тихо вошла Настя, когда-то лучшая подружка Любаниа. Жила она одна. Настин жених погиб в первый год войны, а вскоре один за другим умерли и родители. Неожиданная гостья несмело потопталась у порога, наблюдая, как дед управляется с внучкой, и, решившись, наконец, сказала:

- Дядя Паша, вы отдайте мне Валюшку! Честное слово, не пожалеете! Да и живём-то рядом, всегда на глазах будет. Отдайте, а?!

А через два дня под изумлённые взгляды односельчан дядя Паша молча и сноровисто перенёс нехитрый скарб Насти в свой дом...

- Так он тебе, значит, дед?!

Мы во все глаза таращились на Валюшку, пытаясь осмыслить только что услышанное. Валюшка весело рассмеялась:

- Ну, конечно! Мой папка - это мой родной дед. А моя мама... Вы не поверите, но она так хотела кормить меня грудью, что у неё появилось молоко. И мама кормила меня до полутора лет. Вот!

После долгого молчания я нерешительно спросила её:

- Скажи, а ты видела свою мать? Ну, ту, другую? И братьев, сестёр?

Странно хмыкнув, Валюшка в упор посмотрела на меня:

- Нет! А зачем? - и быстро отвела глаза...

16.08.04

ВЫБОР

Разумеется, это была не совсем типичная семья. Маринка и Витёк учились только на втором курсе, но уже имели дочерей, Машку и Дашку, двоих очаровательных близняшек...

Когда юная пара сперва сообщила будущей свекрови, что она скоро станет бабушкой, и лишь потом, что они решили пожениться, Наталья Петровна бессильно опустила на стул и только тихо спросила:

- А жить-то вы где думаете?

- Как где? - искренне изумился сын. - Конечно, у нас! В моей комнате!

- Да, да, ты прав, - растерянно отвечала мать, уже лихо-радочно прикидывая в уме, что и как придётся переставить в их небольшой двухкомнатной квартирке. Хорошо, хоть комнаты отдельные, не проходные, как у Маринкиной бабушки, воспитывавшей внучку с пяти лет...

Молодые сразу же категорично заявили, что свадьбы, как таковой, не будет. Вот серебряная и золотая будут обязательно! А пока есть более серьёзные проблемы, о них и нужно подумать в первую очередь...

Небольшую вечеринку всё-таки собрали. Кроме героев дня и Натальи Петровны была ещё Маринкина бабушка, которая больше молчала и всё вытирала белоснежным платочком покрасневшие заплаканные глаза.

- Да это я от счастья, - сконфуженно пояснила она новоприобретённой родственнице.

Конечно же, пришла Элеонора, дочь Натальи Петровны от первого брака, с мужем Виталием. Это была удивительно дружная солидная пара, имеющая довольно большой супружеский стаж. Две Маринкины подружки да Толян - лучший друг юного супруга, друг, можно сказать, ещё с ясельного возраста... Вот, собственно, и вся компания. Неожиданно выяснилось, что Маринка неплохо поёт. Причём, благодаря бабушке, знает много старинных красивых песен. Наталья Петровна и сама немного пела. Голос у неё был не сильный, как говорят, «домашний», но

очень приятный, мелодичный и душевный. Так что дуэт получился просто замечательный, и вечер удался на славу!

А потом пошли будни. Потихоньку всё обустроилось. Маринка оказалась спокойной, рассудительной девочкой. Как-то незаметно невестка и свекровь нашли общий язык, а потом и вообще подружились. Витёк даже обижался иногда:

- Можно подумать, что это она - твоя дочь! Почему ты всегда защищаешь её, а не меня?

Впрочем, говорил он это больше в шутку, ведь настоящих размолвок в семье как-то и не случилось.

После рождения внучек на семейном совете было единогласно решено, что брат академический отпуск молодой маме не стоит. Наталья Петровна уволилась из школы, тем более, что возраст у неё уже давно был пенсионный, и с головой окунулась в такие хлопотные, но приятные домашние заботы, а молодые с утроенной энергией и ответственностью продолжали учиться, стараясь получать только повышенные стипендии, что было немаловажно для семейного бюджета. Пока что им это удавалось.

Конечно, после увольнения Натальи Петровны материальные проблемы семьи обострились, но молодежь была не избалована, полученные стипендии тут же торжественно передавались маме Наташе, а уж она-то за свою долгую и не очень-то богатую жизнь научилась разумно распределять каждую копейку. Иногда Витёк вместе с Толяном ещё подрабатывали на погрузке-разгрузке. Хорошо помогала и Элеонора. Раньше она очень редко заглядывала к матери. Её муж занимался бизнесом, жили они безбедно, часто ездили за границу и предпочитали не ограничивать себя ни в чём. Но детей у них не было, и поэтому новорожденные племянницы сразу и навсегда приватизировали сердце тётушки. Вещи, игрушки, фрукты и прочие изысканные продукты сыпались на них, как из рога изобилия...

Уже на четвёртом курсе Маринка с ужасом поняла, что снова беременна. Это была незапланированная, нежелательная беременность. Впереди ещё два года учёбы. Маринкина бабушка часто болеет, помогать приходилось больше ей, да и Наталья Петровна никогда не отличалась очень уж отменным здоровьем. Ну, а о материальной стороне и говорить нечего! Поэтому на се-

мейном совете Маринка сама первая решительно произнесла это слово: аборт... Пряча глаза друг от друга, остальные согласились с ней:

- Да, так будет лучше...

На следующий день неожиданно пришла Элеонора. Она была как-то странно возбуждена и взволнована. Сразу от порога она заявила:

- Мариночка, я хочу поговорить с тобой. Пойдём-ка на кухню...

На кухне Маринка с недоумением наблюдала, как Элеонора дрожащими руками включила почти пустой электрочайник, тут же выключила его, налила воды и, забыв включить, села напротив Маринки. Помолчали... Потом Элеонора, всегда немного важная и уверенная в себе, как-то непривычно запинаясь, произнесла:

- Просьба у меня к тебе... Очень большая просьба... Только не торопись отвечать... Сначала хорошенько обдумай, что я тебе скажу... Маринка, милая, мама мне всё рассказала... Мариночка, я прошу тебя: не делай аборт... Роди его и... отдай нам... Хочешь, возьми академический отпуск, и мы уедем, чтобы никто не знал. И Машку с Дашкой заберём с собою. Наймём там няню... Я уже всё продумала... Мы поможем вам обменять эту квартиру на трёх - или четырёхкомнатную. Виталий тоже согласен. Мы даже согласны потом переехать куда-нибудь, ну, чтобы не очень травмировать вас... А ты, ты просто родишь этого ребёнка для нас...

Понимаешь, он будет жить! И никто, слышишь, никто, кроме нас, не будет знать о сегодняшнем разговоре. А мы будем очень-очень любить его. И, главное, он будет жить! Понимаешь, жить! Ведь вы всё равно фактически уже отказались от него... Подожди, Мариночка, не отвечай сразу! Я сейчас уйду, а ты, пожалуйста, посоветуйся с мамой и Витей. Вот увидишь, вы никогда не пожалеете об этом. Никогда!

Последние слова Элеонора произнесла уже на пороге кухни, затем стремительно вышла, и почти тут же хлопнула входная дверь...

Измученный Витёк вбежал на кухню:

- Что? Что случилось? Что она сказала? Вы что, поссорились?!

Ночью, наверное, впервые за всю их недолгую совместную жизнь, Маринка и Витёк не могли уснуть, но лежали молча, не прикасаясь друг к другу. Кроватки девочек уже давно как-то незаметно перекечевали в бабушкину комнату, поэтому в спальне юных родителей стояла тягучая пугающая тишина. Никто не решался заговорить первым. Маринка тайком вытирала слёзы, которые почему-то всё катились и катились из глаз. Наконец, Витёк не выдержал:

- Маришечка, ну, что ты решила? Что мы будем делать?

Марина молчала...

- Ну, почему ты не хочешь согласиться? Ведь мы уже действительно почти отказались от него. А так он будет жить! И никто не будет знать...

- Витя! - каким-то чужим хриплым голосом сказала Марина. - Витенька! Милый ты мой! Но ведь мы-то будем знать! А, может, мы им лучше отдадим Машку с Дашкой? А себе других родим, а?...

- Да ты что! - Витя даже подпрыгнул на кровати. - Ты думай, что говоришь-то! Как это, отдать Машку с Дашкой? Ты что, рехнулась, что ли? Да ты, ты...

Марина медленно повернулась к нему и стала говорить каким-то слишком уж спокойным, безразличным голосом:

- Вот то-то и оно! Машку с Дашкой ты, конечно, не сможешь отдать, и я не смогу. Но ведь тот малыш, когда родится, будет нам такой же, как Машка с Дашкой. Помнишь, Витенька, ты ведь очень хотел сына? А вдруг это будет мальчик? Скажи, а ты сможешь, зная, что это наш, что это твой сын, спокойно встречаться с ним, спокойно слушать, как он называет чужих дядю и тётю папой и мамой? Сможешь? А если он когда-нибудь узнает, что мы его просто продали за квартиру и собственное благополучие?... Ты об этом подумал?...

- Н-не знаю, - растерянно пробормотал Витёк. Потом будто встряхнулся:

- Подожди, Маришка! Ведь Элеонора нам совсем не чужая! Зато ребёнок-то будет жить! Понимаешь, жить! Он будет

расти, учиться ходить, говорить. Когда-нибудь он скажет: «Мама, па...-п-па...» - тут Витёк словно споткнулся и растерянно замолчал...

Может быть, впервые в жизни им предстояло сделать выбор... Самый главный выбор...

Каким же он будет?...

5.05.04

ПОЦЕЛУЙ

По деревне поползли слухи, пересуды... Бабы перешёптывались, удивлённо охали, всплёскивали руками:

- Да ты что-о! А я тоже гляжу, гляжу: чтой-то не то!...

И почти всегда следующим был вопрос-восклицание:

- Да и кто ж ето позарился на неё?...

Новость была действительно сногшибательная:

- Манька-то, бобылка, кажись, в тягости! А ты приглядишь, приглядишь получше-то!...

И следующий за этим вопрос тоже был вполне резонным. После такой страшной войны мужиков в деревне как повыкосило. Раз-два и обчёлся... Были, конечно, ещё немощные старики, да безусые мальцы. Но их деревенские бабы в своих пересудах отменили напрочь. Слишком уж не вязалось такое предположение с Манькой. Эта, более чем сорокалетняя баба, всю жизнь прожила одна в неприглядной, покосившейся хатёнке. Жила не по-деревенски уединённо, замкнуто, с другими бабами языки не чесала, в гости, даже, если очень приглашали, не ходила, да и к себе никого не звала. Её гренадёрскому росту и силе завидовали даже мужики. Она спокойно могла взять два полных мешка под мышки и, не очень напрягаясь, унести их, куда надо. В тяжёлые военные, да и послевоенные годы именно на таких молчаливых, безотказных в работе бабах и держались тогдашние колхозы. В свою личную жизнь она никого не пускала, и что было у неё на душе, никто даже не догадывался...

И вдруг такая новость! Но на окольные и прямолинейные вопросы деревенских кумушек Манька только диковато поводи-ла глазами и презрительно хмыкала. Бабы уже беззастенчиво и назойливо ощупывали взглядами ее огромную, «поплывшую» фигуру, но ничего, кроме догадок, подозрений, предположений, так и не выявилось. Мужиков, шастающих к Маньке по ночам, никто не видел. А сама она упорно молчала и лишь презрительно кривила губы, когда её уж слишком назойливо донимали вопросами. Она по-прежнему косила, пилила, рубила, таскала многопудовые мешки, вершила стога, - в общем, делала самую тяжёлую мужицкую работу и... молчала. Постепенно её излишки

фигуры как-то незаметно «рассосались», и бабы приумолкли, недоумённо пожимая плечами: надо же так опростоволоситься...

Но, когда Манька-бобылка опять вдруг «поплыла», бабы не на шутку всполошились и призадумались. На свете они жили не первый день и уж в этих-то делах разбирались. Особенно озаботилась бабка Липка, ещё одна, можно сказать, достопримечательность деревни. Была она здесь, наверное, самой старшей и сама толком не знала, сколько же ей лет. Однако, в остальном ум имела ясный, язык острый, но справедливый. Все деревенские бабы в случае необходимости шли к бабке Липке. Она и от сглаза пошепчет, и совет мудрый даст, и просто душевно откликнется на любую чужую беду. Овдовела бабка Липка ещё в начале века, её дети, да и внуки давно выросли и разлетелись, кто куда. Два старших сына погибли на Гражданской. Её тоже едва не расстреляли колчаковцы, но Бог миловал. В общем, хватило бабке лиха. Но жизнь её не озлобила, а, наоборот, словно высветила самые чистые и мудрые качества женской души. Жила она одиноко, двор в двор с Манькой-бобылкой, которой доводилась даже какой-то дальней родственницей. Всё это просто обязывало бабку Липку выяснить, в чём же там дело...

И вот однажды, когда в неурочный час Манька вдруг стала топить баню, бабка Липка насторожилась. Юркая старушонка терпеливо дождалась, пока Манька вытопила баньку, а затем, почему-то полусогнувшись, прошла в неё с узелком в руках.

Подождав немного, бабка Липка метнулась к окошечку. Внутри было темно, только маленький огонёк теплился где-то в глубине. Сколько ни вглядывалась она, но ничего не увидела. И вдруг ей почудилось, что кто-то стонет. Прислушалась... Да, действительно, из баньки явственно доносились глухие стоны. Бабка бросилась к двери, но та была заперта. Запертая дверь для деревни небывалое дело, и тут уж бабка больше не мешкала. Откуда только взялись силы, она вырвала хлипенький крючок и распахнула дверь...

Манька, голая, лежала на полу, кусая губы и постанывая, а между ног у неё копошилось что-то окровавленное, маленькое, беспомощное...

- У-уйди! Христом Богом прошу, у-уйди! - каким-то утробным звериным голосом закричала Манька. - Если хочешь жить, уйди! И забудь! Слышишь, подлая старушонка, забудь!

Но бабка Липка словно окаменела, она уже всё поняла и лихорадочно придумывала, как, как убедить эту неразумную бабу не брать такой тяжёлый грех на душу. После, бабка Липка никак не могла понять, почему она говорила и поступала именно так...

- Тихо, тихо, деточка! Да не кричи ты так, услышит ещё кто-нибудь. И никому ничего я не скажу. Ведь мы же с тобой не чужие как-никак. Делай всё, как задумала, ни одна живая душа не узнает. Только сначала объясни, как ты это будешь делать?

- Как, как... Придавлю сейчас ногой, в тряпку, да и закопаю. Не первый раз...

- А потом?

- Потом привязываю мешки к животу, чтоб не сразу видно было, да и перестану... Но ты, если пикнешь кому-нибудь... Видит Бог, на мне столько грехов, что ещё один меня уже не пугает... Смотри, старуха!

Бабка Липка даже обиделась:

- Ну, уж мне-то ты можешь верить. Сказала «никому», значит, никому. И отговаривать тебя тоже не собираюсь. Вот только скажи, а ты дитёнка-то поцеловала?

- Чего-о-о? Ты что, бабка, ополоумела? Да я и смотреть-то на него не собираюсь, ишь чего удумала: поцеловать!

- Ну, нет уж, деточка! Твой грех - это твой грех, а вот с дитёнка некрещёного ты этот грех сними. Не допущу, чтоб невинная душа страдала. Это ж издавна известно. Поцеловать, поцеловать его надо! Да ты только губами притронься и всё...

Бабка ещё что-то говорила, а сама проворно перевязала пуповину, обрезала её, подвернувшейся тряпицей кое-как обтёрла сморщенное крошечное личико и почти силком сунула его Маньке под нос:

- Поцелуй! Только поцелуй и всё! Делай, что хочешь. Я никому ничего не скажу...

Манька, закрыв глаза, нехотя прикоснулась губами к чему-то мокрому, пищащему и... замерла. Ребёнок, словно что-то

поняв, вдруг стал ловить губами, и бабка Липка тут же подсунула его под грудь матери. Манька не шевелилась. Ребёнок поймал набухший сосок и припал, присосался к нему. Он блаженно чмокал, издавал какие-то еле слышные звуки и, казалось, не найдётся теперь в мире силы, чтобы оторвать его от этого, такого простого и такого важного занятия. А Манька... молчала, словно прислушиваясь и к внешним звукам, и к тому, что творилось в ней. Бабка Липка тоже молчала, присев на полок и не смея верить собственным глазам. Наконец, Манька словно против своей воли медленно подняла руку и осторожно поправила грудь...

Бабка Липка встрепенулась и облегчённо вздохнула.

Так Верка-Найдёна осталась жить...

7.05.04

УЛИКА

Вот уже больше часа Катерина сидела, уставясь в одну точку. Её, не привыкшие к безделью, натруженные руки сейчас бессильно лежали на столе и легонько подрагивали. Дочка Анютка что-то рисовала в тетрадке и время от времени беззаботно смеялась. Катерина взглянула на неё, сердце сжалось от бесконечной всепоглощающей жалости и боли. Слезы снова потекли из глаз.

- Доченька! Родненькая ты моя! За что, за что нам ещё и это лихо? - тупо и бесконечно билось в голове...

В посёлке они появились лет шесть-семь назад. Катерина купила по дешёвке эту хату и стала тихо и незаметливо обустроить свой отдельный маленький мирок. Никто толком не знал, откуда они появились и что заставило их приехать в этот Богом забытый уголок.

По первости Анютка поразила всех своими огромными синими глазищами и какой-то просто неестественной кукольной красотой. На вопросы докучливых соседок «А где же твой папка?», она бесхитростно и радостно отвечала: «Собакам сено косят», и сама же первая весело смеялась. Но, когда в этой крепко сбитой десятилетней девчужке распознали ум пятилетнего ребенка, соседки скорбно заохали, закачали головами, пытаясь выразить Катерине своё сочувствие и понимание, однако, встретив с её стороны настороженность и явное нежелание говорить на эту тему, обиженно приумолкли, оскорблённые в самых лучших своих чувствах. Ещё какое-то время пошушукались за её спиной, но, не получая новой пищи своим пересудам, разочарованно замолчали.

Жила Катерина уединённо, работать устроилась на почту. С утра пораньше разносила корреспонденцию по адресам и скорей спешила домой, где ждала её ненаглядная Анютка. Девочка всегда так искренне радовалась приходу матери, как будто не видела её целую вечность. У Катерины сжималось сердце от нежности и жалости. Каждую свободную минутку она старалась проводить с дочкой, читала ей сказки, учила нехитрым хозяйственным делам: наводить в доме порядок, стирать, готовить еду.

Пыталась даже научить шить, но эта премудрость давалась Анютке плохо, и, в конце концов, Катерина отказалась от своей затеи.

Сама она была ещё молодой, довольно интересной бабёнкой, но давно махнула на себя рукой и во всей её фигуре просматривались такая усталость и безразличие к собственной судьбе, что даже самые ревнивые бабы спокойно отпускали своих мужиков помочь, если в её хозяйстве требовались сильные мужские руки. Впрочем, такое случалось очень редко. В большинстве случаев Катерина старалась обходиться собственными силами.

Так прожили они лет шесть. И вот где-то с год назад стал к Катерине захаживать Колька Огонёк. Прозвище своё он получил из-за ярко-рыжих кудрявых волос. И, действительно, глядя на его огненную шевелюру, хотелось прикрыть глаза, чтобы ненароком не обжечься. Вообще-то, это был довольно беспутный мужик, гуляка и любитель выпить, особенно за чужой счёт. Но в какой-то степени это компенсировалось его лёгким, открытым характером и умением бесподобно играть на гармошке. Конечно, не самая лучшая пара, но Катерина вдруг расцвела и так похорошела, что поселковые донжуаны, встречая её, только изумлённо хмыкали и долго смотрели вслед, не понимая, как это они до сих пор не замечали такую интересную и красивую бабёнку...

Но, видно, уж судьба такая у бабы. Однажды после очередного подпития нашли Огонька чуть живого за огородами. Должно быть, сначала мужика огрели валявшейся тут же дубиной, а затем жестоко поколотили, да так, что местная фельдшерлица громко заявила, что он уже больше не жилец, и очень удивилась, когда тот всё-таки выкарабкался и пошёл на поправку. Правда, этот, когда-то весёлый и бесшабашный мужик, превратился в полуслеплого, молчаливого калеку. Шевелюра его основательно поредела и за какой-то месяц покрылась густой сединой. И уже никто не решался назвать его Огоньком. На все расспросы о случившемся отвечал односложно и неохотно:

- Пьяный был, не помню...

У Катерины он, конечно, больше не появлялся. Соседки сочувственно заглядывали ей в глаза и, кто фальшиво, а кто и

искренне, выражали свои соболезнования. Катерина была, как всегда, немногословна:

- Да, хороший был мужик. Очень его жалко. Но, видно, судьба уж такая и ему, и мне, - и кончиком платка вытирала непрошенные слёзы...

Она снова как-то вся потухла, скукожилась, никуда, кроме работы, не ходила, жила затворницей. И только счастливый, беззаботный смех Анютки иногда доносился из полуоткрытого окна.

А теперь ещё и эта напасть...

- За что? За что нам такое? Господи, накажи меня, самой страшной карой накажи, но её-то зачем? Она-то чем виновата?!

А вскоре уже по всему посёлку вприпрыжку неслись слухи: Каткина-то Анютка беременна! Бабы охали, ахали, с пристрастием допрашивали своих мужиков, может, кто видел, может, кто слышал... Все искренне негодовали: последнее это дело - обидеть убогую. Чуть не с кулаками приставали к Катерине:

- Ты-то куда смотрела?

Но та только плакала и повторяла:

- Да не знаю, не знаю я... Сама с неё глаз не спускала. Знала бы кто, своими руками задушила бы подонка!

И только Анютка была как всегда беспечна и весела. Огромные синие её глаза смотрели на мир бесхитростно и открыто...

Фельдшерница, она же акушерка, принимая у Анютки ребёнка, воскликнула:

- Смотрите, какой огонёк! Очень редкий цвет волос! - и вдруг... осеклась, уже догадываясь, но ещё не веря...

9.05.04

ПРОСТИ, СЫНОК

Погорельцев временно поселили в опустевшую хату бабки Матруны. Единственный бабкин сын погиб в первые дни войны, а больше никаких близких родственников у нее и не осталось. Две недели назад бабка Матруна присела у морковной грядки, да так и не встала. «Легко померла», — тайком крестясь, шептали деревенские бабы.. Похоронили старушку всей деревней вскладчину. Три осиротевших курочки пошли на поминальный стол, а дворнягу без имени приютила тетка Маня. Окна и двери неказистой, но еще довольно крепкой хаты крест-накрест забили горбылем.

...Пожар в глухой таежной деревне - это настоящее стихийное бедствие. Тут уж раз на раз не приходится. Бывало, что выгорали целые деревни. Что может быть страшнее и безжалостнее разбушевавшегося и всепожирающего огня! Но тут, как говорится, Бог миловал. Деревню удалось отстоять потому, считали все, что хата стояла на отшибе, а все надворные постройки пошли на дрова еще в войну, когда надо было накормить и обогреть шестерых, мал мала меньше. Вот и пришлось горемычной бабе сначала порешить живность, а потом уже и стайки пошли в ход.

... Спасли только вдову и детей. Ни ложки, ни плошки... Остались, в чем были. Потому-то по молчаливому согласию колхозники и сняли горбыли с окон и дверей Матруниного дома.

...Обезумевшая Фрося не просыхала от слез и без конца пересчитывала, пересчитывала единственное, что у нее осталось, - своих детей. Ей все казалось, что она опоздала и кто-то из них остался там, в том яростном огненном ужасе.

Односельчане тихонько заходили в хату и оставляли, кто что мог: старенький изодранный кожушок, пару алюминиевых помятых мисок, а то и почти целое байковое одеяло. Да и что могли принести инвалиды и вдовы, сами только что пережившие страшную войну и не понаслышке знавшие, что такое голод и нищета. Все искренне жалели и Фросю, и детей, но вывод был однозначен: придется, видно, бабе надевать суму и идти с детьми побираться, чтобы не умереть с голоду. Тогда это не было

редкостью, а, наоборот, иногда являлось единственным выходом из безвыходного положения.

... Лет тридцать назад Пелагею Ивановну, тогда еще просто Палашку, отец, чтобы не кормить лишний рот, увез в город и отдал в няньки. Девчонке повезло. Едва заневестившись, она удачно вышла замуж. В деревне с тех пор не появлялась. Изредка встречая односельчан, не очень-то бросалась им навстречу, разговаривала подчеркнуто правильным «городским» языком, может, даже неосознанно давая понять, какая огромная разница между ними, деревенщиной, и ей, женой пусть и небольшого, но начальника. Детей у них почему-то не было, но Пелагея Ивановна не очень-то убивалась.

- Хватит! С детства нанянчилась на всю жизнь, - говорила она.

О Фросиной беде узнала случайно. Зашла на базар и встретила там тетку Маню, приехавшую по своим делам в город. Когда-то в деревне они жили рядом и были закадычными подружками. Не виделись уже лет пятнадцать. И вот такая встреча...

Глубоко в душе Пелагея Ивановна, в общем-то, была такой же деревенской бабой, пусть и оборвавшей, но не забывшей свои корни, да и погибший на войне Фросин муж приходился ей какой-то дальней родней. Поэтому ничего удивительного не было в том, что Пелагея Ивановна и Василий Филиппович вдруг появились в деревне. Привезли необходимую одежонку, вещи, продукты, городские гостинцы. Даже их просьба никому не показалась странной, свои ведь все-таки. А просили они отдать одного ребенка.

- Тебе ведь легче будет, да и ребенок еще спасибо скажет, как вырастет, - убеждали они совсем растерявшуюся несчастную бабу.

Вообще-то, Пелагее Ивановне приглянулась семилетняя Любка, но девчонка, уразумев, чего от нее хотят, с ревом убежала куда-то и старалась не попадать на глаза этой «тетке с городу», пока та с мужем не уехала. Забрали они самого младшего, пятилетнего Павляню, часто болевшего, худенького молчаливо-

го мальчика. И на этом всякие отношения между семьями прекратились...

Мало-помалу жизнь налаживалась. Подрастали дети. Как ни странно, но все пятеро выжили и выросли, обзавелись семьями и, хотя жили отдельно, но все были рядом с матерью, здесь же, в этой деревне. О Павляне знали, что он долго болел, но потом ничего - выправился. В школе учился хорошо. Окончил десятилетку, потом институт, вернулся в город и сейчас работал инженером на заводе. Семью заводить почему-то не спешил. Год назад тяжело заболел Василий Филиппович и, промаявшись с полгода, умер. Через два месяца уснула и не проснулась Пелагея Ивановна...

Голубая новенькая автомашина, только что отмытая в речке до зеркального блеска, медленно въехала на деревенскую улицу. Свора обескураженных собак сопровождала ее громким лаем, оповещая всех о чрезвычайном происшествии. Медленно, очень медленно автомашина продвигалась вперед и, когда она остановилась у бывшей Матруниной хаты, уже вся деревня откуда-то знала: приехал Фроськин Павляня.

Фрося стояла у калитки и растерянно теребила передник, как-то испуганно озираясь по сторонам. Павляня, симпатичный высокий мужчина, вышел из машины и быстро пошел к ней, но вдруг остановился, словно споткнулся о десятки горящих любопытных глаз, потом медленно подошел к матери, как-то неловко и быстро обнял ее, что-то пробормотал и чмокнул в щеку. Тут же развернулся, подошел к машине и под одобрительные комментарии, шутки, смешки стал извлекать из нее какие-то мешки, коробки, кульки с конфетами, печеньем и пряниками, отдельно достал ящик с яблоками. Запах копченой (!) колбасы, селедки и еще чего-то непонятного, но не менее интригующего, поплыл над восхищенной толпой. Тут же нашлись добровольные помощники, и все это разнообразное великолепие торжественно переместилось в хату.

А вечером гуляла вся деревня... Столы собрали из окрестных хат и поставили прямо на пустыре за домом. Перед этим неожиданно одаренные всевозможными подарками и гостинцами племянники и племянницы с необыкновенным усердием и

азартом расчистили и подмели его, да так, что любо-дорого было посмотреть. И еще много-много лет спустя, этот пустырь иначе, как Павляниным, и не называли...

Переполненные впечатлениями, довольные уважительным отношением и обхождением горожанина и надолго запомнившимися необыкновенными угощениями, гости разошлись только под утро. Разумеется, те, кто мог к тому времени идти. Братья и сестры, зятья и невестки и их многочисленные отпрыски тоже потихоньку потянулись к своим хатам.

Павляня долго сидел за опустевшим столом, обхватив голову руками, словно думал тяжелую думу. Мать неуверенно подошла к нему и, не зная, как обратиться, остановилась...

- Павел Васильевич! - почти шепотом позвала она. - Шли бы вы спать, Павел Васильевич.

Павляня вздрогнул, как будто его ударили, и резко обернулся:

- Васильевич?! Моего отца звали Егором! И я помнил об этом всегда, мама! Двадцать лет каждый день я мечтал о том, как приеду и скажу: «Здравствуй, мама!» А еще всю свою жизнь я хотел тебя спросить: почему? Почему ты отдала именно меня? Не Любку, не Петьку хромого, не Манечку, а именно меня?! Я что, был самый никудышный?

- Бог с тобой, сынок! Да что ж ты такое говоришь? Ты тогда был самый маленький и очень слабенький... Здесь бы ты просто не выжил...

- А, может, я был просто самым ненужным, обузой для всех вас? Ведь остальные-то выжили и здесь, зато всегда жили рядом с тобой, да и сейчас вы все вместе. Их же ты не отдала! А меня с глаз долой - из сердца вон, да? Почему ты отдала именно меня? Почему?

И здоровый мужик вдруг заплакал, словно малый ребенок, уронив голову на стол. Он громко и судорожно всхлипывал, икал, совсем, как когда-то, в далеком детстве... А мать... Мать гладила его шершавой рукой по голове, по плечам, по спине и тихо шептала:

- Сыночек! Дитяtko! Кровинушка моя! Прости, если сможешь. Прости

25.07.03

ЖЕСТОКОСТЬ ИЛИ МИЛОСЕРДИЕ?

1

Так как учительнице нужно было идти на какой-то семинар, то после второго урока третьеклассников отпустили домой. Весело галдя и радуясь неожиданной свободе, дети побежали в раздевалку.

- Пойдём к тебе, поиграем в стрелялки, - предложил Славка.

- Пойдём! - весело согласился Вовка. - Мне отец такой диск купил!

2

Нина Ивановна немного встревожилась, увидев сына в неурочное время на пороге офиса.

- Что случилось?

- Да нас отпустили. Светлана Андреевна на какой-то семинар пошла.

- А почему ты не пошёл домой? Ведь ключ у тебя есть. А, может, потерял?

- Нет, не потерял, вот он. Просто я захотел к тебе.

Мать очень удивилась, но виду не подала. Это раньше, когда сын был поменьше, он с удовольствием прибегал к ней на работу, интересовался каждой мелочью, обстоятельно беседовал со всеми сотрудниками, рассказывал новости, играл на компьютере, бесконечно задавал какие-то вопросы. Короче, устраивал маленький бедлам и нарушал строгую, налаженную деятельность трудового коллектива. Но, благодаря неоднократной объяснительной работе, а, главное, появившемуся дома компьютеру, такие посещения почти прекратились. И вдруг это: «захотел к тебе». Да и вид у сына был какой-то странный, как будто пришибленный, что ли.

- Ты что, заболел?

- Нет.

- Ну, значит, опять со Славкой подрался.

- Нет.

- А что вдруг случилось?

- Ничего.

Тут зазвонил телефон. Пока мать решала какие-то деловые вопросы, Вовка на удивление тихо снял верхнюю одежду, сел у свободного компьютера, но включать его не стал, а задумчиво уставился в окно.

В кабинет заходили люди, о чём-то беседовали с матерью, она сама звонила куда-то, а Вовка всё сидел, молчал и смотрел в окно. Минут через сорок мать опять обратилась к сыну:

- Вова, да что с тобой? Что произошло?

- Знаешь, мама, там кошка... умирала...

Мать внимательно и сочувственно посмотрела на сына. Вовка был, что называется, «кошачья душа», знал во дворе всех домашних и бездомных кошек, последних даже тайком подкармливал и частенько уговаривал родных и знакомых взять «ну, хотя бы на время» какого-нибудь симпатичного, но бездомного котёнка. Иногда приносил домой. Мать была не против, но два шарпея устраивали бурный протест против новой живности и проявляли такую агрессию, что от затеи завести дома ещё и котика мальчишке пришлось отказаться.

Услышав слова сына, мать хотела сказать что-то утешающее, но тут опять затрезвонил телефон, рука привычно потянулась к трубке, а Вовка снова уставился в окно.

На обеденный перерыв шли молча. На отдельные вопросы сын отвечал односложно, нехотя. К разговору о кошке больше не возвращались.

Быстренько пообедав, мать опять заторопилась на работу, так как намечался какой-то важный разговор с поставщиками.

3

Когда вечером родители пришли домой, то их безалаберный, частенько безответственный, не очень-то дисциплинированный сын приятно порадовал и удивил. Вовка помыл всю посуду и даже... самостоятельно сделал домашнее задание. На улицу он не пошёл и компьютер не включал, а уселся в своей комнате с какой-то книжкой. Родители незаметно переглянулись: Неужели? Неужели, наконец-то, повзрослел и взялся за ум?

После ужина вдруг кто-то требовательно и настойчиво позвонил в дверь. Отец открыл и увидел женщину из соседнего подъезда. Это была довольно вздорная бабёнка, частенько устраивающая какие-то громогласные разборки то с соседями, то с собаками, то с собственными детьми. Вот и сейчас её глаза полыхали праведным гневом, а не в меру покрасневшее лицо говорило о сильных эмоциях, обуревавших её. В руках женщина держала что-то, завернутое в чёрный целлофановый пакет. Вовка, тоже выскочивший на звонок, с ужасом смотрел на это «что-то».

- Ах, вот он! Изверг! - с пол-оборота завелась она. - Вы знаете, кого вы вырастили? Бандита! Убийцу! Вы посмотрите, посмотрите! Это его рук дело!

Она судорожно и брезгливо открыла пакет, показывая что-то бесформенное и окровавленное...

Вовка, белый, как стена, молча смотрел на «это». Отец и мать тоже обескураженно молчали, не находя слов. Наконец, отец пришёл в себя:

- Подождите! Расскажите по порядку, что произошло? И при чём здесь наш сын?

- Ах, при чём? А ещё интеллигентные люди! На джипах раскатывают! Вырастили изверга, да ещё и спрашивают!

Очень эмоционально и бестолково, перескакивая с одного на другое, соседка поведала следующее.

Эта кошка с самого утра истошно орала под окном. Что с ней приключилось, соседка не знала, да и некогда ей было, она ведь не как некоторые, без дела не сидит. А кошка поорёт, поорёт, да и перестанет. Но тут послышались возбуждённые мальчишеские голоса. Соседка всё-таки выглянула в окно и ужаснулась.

Окровавленная, искалеченная кошка лежала посреди дороги, а эти двое, ваш и его дружок закадычный добивали её камнями.

- Врать не буду, не приучена. Славка-то сначала на церковь перекрестился, а потом камнем её, камнем! Ишь, выродок, ещё и креститься додумался! А ваш-то даже лба не перекрестил,

и тоже камнем! Я это так не оставлю! Я ещё завтра в школу схожу!

Отец и мать растерянно молчали, не находя слов. Их Вовка, «кошачья душа», и вдруг убил кошку?! Да этого просто не может быть! Это какое-то жуткое, страшное недоразумение! И при чём здесь церковь, которая, кстати, находилась прямо напротив их дома?

Но Вовка, насупившись, отрешённо молчал, даже как будто не слышал, о чём там кричала взбешённая соседка. Мать потрясла его за плечо:

- Сынок, ты почему молчишь? Скажи, что это не ты! Скажи, что это ошибка, недоразумение...

- Это я... и Славка... мы хотели помочь...

Признание было таким неожиданным и непонятным, что все растерянно замолчали, не зная, что же делать дальше. Молчала даже соседка, бестолково разворачивая и снова заворачивая свою страшную ношу.

А Вовка повернулся и, как-то весь сгорбившись, ушёл в свою комнату. Потом оттуда послышалось приглушённое отчаянное рыдание.

Наконец, опомнившись, отец выхватил пакет у соседки из рук и неожиданно твёрдо сказал:

- Мы разберёмся. Спасибо, что сообщили.

Не очень церемонясь, он почти насильно вытолкнул её на площадку и захлопнул дверь. И соседка, как ни странно, удалась, не произнеся ни звука.

5

Вовка лежал на диване и, беспомощно всхлипывая, даже постанывая, словно от нетерпимой боли, безутешно плакал. Нина Ивановна сидела рядом, тихо гладила его по голове и молчала. А он плакал... плакал... плакал...

И только немного успокоившись, стал рассказывать:

- Мы со Славкой после школы сначала пошли к нам поиграть в стрелялки. И на дороге увидели эту кошку. Её, наверно, машина переехала. Она так кричала! Мы хотели её перевязать, но у неё позвоночник был сломан. Mamochka, она так мучилась и

плакала! У неё слёзы из глаз катились! И тогда Славка сказал, что она уже не жилец.

- Давай мы ей поможем умереть, чтоб она так не мучилась. Всё равно ведь она не выживет.

Он нашёл камень и сказал, что надо перекреститься, потому что это помощь, а не убийство. Сначала он ударил сам, а потом сказал, что я тоже должен ударить. И я ударил. Она сразу перестала кричать. Мы хотели её похоронить и пошли к Славке за лопатой. А когда принесли лопату, кошка уже исчезла. Тогда Славка пошёл домой, а я пошёл к тебе.

6

Все долго молчали. Потом отец вышел в коридор и достал из кладовки лопату. Этой лопатой каждую весну он вскапывал клумбы возле подъезда, а мать - большая любительница цветов - высаживала собственноручно выращенную цветочную рассаду. Цветы потом частично затапывались людьми и собаками, но оставшаяся их часть к осени разрасталась и цвела так буйно и красиво, что все только ахали и говорили, что вот уж на будущий год надо бы всем собраться и вскопать все клумбы во дворе. Вон у Нины Ивановны рука-то какая лёгкая на цветы. Красота!

Когда мать увидела отца с лопатой, то молча освободила коробку из-под недавно купленных сапог и постелила туда старое чистое полотенце, а Вовка осторожно уложил останки несчастной кошки. Коробку закрыли и также молча вышли за дверь.

...Все трое долго стояли над свеженасыпанным холмиком земли. У матери и сына по щекам текли слёзы...

19.02.07

ИСТОРИЯ С МЕДВЕДЕМ

Эта почти неправдоподобная история случилась в двадцатые годы двадцатого века...

Обычная сибирская деревня Баим в Красноярском крае, а вокруг нетронутая глухая тайга. И лишь клочки возделанной земли робко напоминают о том, что иногда здесь все-таки ступала нога человека...

Молодая мать с утра пораньше отправилась работать в поле. Уложив ребенка в тени вековых деревьев, она занялась привычным нелегким крестьянским трудом... Вдруг раздался истошный крик младенца. Мать бросилась к нему и... остолбенела. Огромный бурый медведь стоял над ребенком и лениво перекатывал его лапой...

Что делать? Убежать? Схватиться с медведем врукопашную?... И тут она сделала единственное, что смогло подсказать ей материнское сердце. Женщина упала на колени, протянула руки к медведю и стала умолять его:

- Мишенька! Христом Богом тебя прошу, не губи моего сыночка! У тебя ведь тоже, наверное, есть детушки! Подумай о них и пожалей моего дитенка! Уж, если так надо, то убей меня, но только не губи невинную душу!

Так, умоляя и рыдая, она подползала все ближе к ребенку. Медведь (или медведица?) оставил в покое орущего младенца и с явным любопытством наблюдал за происходящим, но не предпринимал никаких действий...

Неизвестно, сколько так прошло времени: час или минута. Обезумевшая мать продолжала умолять и все ползла и ползла к ребенку, а медведь внимательно слушал ее. Потом он как-то странно хрюкнул, словно усмехнулся, медленно развернулся и лениво побрел в тайгу, а мать схватила окровавленного и громко орущего ребенка и бросилась бежать...

Эту историю я услышала от своей матери. А случилась она с ее ровесником, который, конечно же, не помнил, как все произошло, но следы от медвежьих когтей остались на нем на всю жизнь... А еще остались кличка Меченый и часто повторяемый рассказ о том, как мать отмолила его у медведя... 1997.

МЕРЗАВЕЦ

Это была довольно необычная пара. Он - веселый, общительный, заводной, душа любой компании, рубаха-парень, да к тому же еще и не обделенный особой мужественной красотой. И Она - совсем не красавица, молчаливая, застенчивая, легко краснеющая от любого пустяка, в общем, этакая тихая серая мышка. Она открыто обожала Его и Он снисходительно принимал это как должное...

Когда выяснилось, что Она беременна, Он сказал категорично и прямо "нет" - "нет" будущему ребенку и "нет" вообще их отношениям и... благополучно исчез из ее жизни. Она же тихо плакала по ночам, пробегала по общежитию, опустив глаза, и даже соседкам по комнате почти ничего не стала объяснять. Их бурное негодование как-то быстро испарилось, не получая поддержки с ее стороны...

Когда появился малыш, общественность в лице все тех же соседок по комнате проявила активность. Ей, как матери-одиночке, дали комнату в соседнем общежитии, и жизнь неспешно потекла дальше.

Со временем как-то так получилось, что Он опять стал заходить к девчатам в комнату уже в качестве общего знакомого и приятного собеседника. Обычная, в общем-то, история...

Прошло несколько месяцев... Однажды Ей срочно нужно было отлучиться по делам и бывшие соседки охотно согласились посидеть с малышом. Они принесли его к себе в общежитие и, движимые самыми благородными чувствами, конечно, тут же придумали повод, чтобы пригласить несостоявшегося отца в гости...

- Это чье же такое прелестное дитя? - восхитился Он, войдя в комнату. Тайком переглянувшись, девчонки назвали имя одной из молодых мамаш, живущих в общежитии. Весело болтая, Он стал забавлять малыша. Не без старания девушек ребенок оказался на руках отца, который забавно корчил рожицы и смешил "прелестное дитя"...

Тут открылась дверь и вошла Она. Молча и растерянно смотрела Она на смущенных, счастливых девчонок и на Него со смеющимся ребенком на руках...

И вдруг Он увидел ее изумленные глаза и все понял. Целая гамма чувств пронеслась по его лицу и, наконец, остались самые главные: отвращение и брезгливость...

Взглянув на ничего не понимающего малыша, как на что-то ужасное и мерзкое, и передернувшись так, словно его сейчас стошнит, он швырнул ребенка на первую попавшуюся кровать и, громко матерясь, выскочил за дверь...

Больше он в эту комнату не приходил...

1997 г.

ПОЖАР

Случилось это без малого сорок лет назад. Кому-то данная история может показаться смешной, кому-то - грустной, а кому-то вообще не стоящей внимания. Но сидит она во мне занозой, всплывая в самые неподходящие моменты. Вот и решила я её рассказать. Просто не хочется, чтобы когда-то где-то повторилось что-то подобное. Итак...

На входных колоннах главного корпуса нашего Университета были начертаны ещё наверное во времена строительства слова о том, что основан он был в 1880, а открыт в 1888 году. И вот в 1968 году он торжественно готовился к своему восьмидесятилетию. Принаряженный, отремонтированный, сияющий свежей побелкой и покраской, исполненный достоинства и вызывающий даже у бесшабашных студентов чувство законной гордости, занятый последними приятными приготовлениями, он ждал приезда именитых гостей из других городов и ВУЗов.

И вдруг буквально за 5-6 дней до торжественной даты в главном корпусе случился пожар. Загорелись деревянные перекрытия, двери, окна, разохшиеся за десятки лет полы, под которыми опять же десятилетиями собирался какой-то мусор. Как предполагалось, кто-то из студентов просто бросил непогашенную спичку, она попала в щель и... двухэтажная лекционная аудитория во время лекции вспыхнула, как порох. Огонь распространялся очень быстро, поэтому кому-то пришлось прыгать из окон второго этажа, туда же выбрасывались из кабинетов биологии, ботаники и географии редкие гербарии, коллекции, чучела животных, являвшиеся гордостью Университета, собранные ещё в начале двадцатого века. Слава Богу, жертв не было. Начисто выгорела, в основном, лекционная аудитория, но здание было очень задымлено и представляло довольно плачевное зрелище: закопчённые, с грязными потёками коридоры, выбитые стёкла. Какой уж тут юбилей!

Все занятия пришлось проводить во втором, недавно построенном, корпусе. И тогда представители деканатов и ректората пришли в группы и обратились к студентам с просьбой проявить сознательность и патриотизм и в своё свободное время

прийти и помочь побыстрее сделать ремонт, до юбилея-то осталось всего ничего. Добровольцев оказалось по 4-5 человек из группы, но это были действительно добровольцы. И после занятий (занятия-то никто не отменял!), одев рабочую одежду, они пришли в главный корпус. Настроение у всех было приподнятое. Студенты разных факультетов и специальностей быстро организовались в бригады, каждая бригада получила свой конкретный участок, по коридорам уже стояли подготовленные леса (потолки-то высокие, повторяю, здание строилось в конце 19-го века). Работа была знакомой, ведь каждый год летом у нас обязательным был третий трудовой семестр. А это и хлебоуборка, и ремонтные бригады, и строительные отряды.

Добровольцы дружно носили воду, отмывали закопчённые стены и потолок, тут же затирали их и белили. Красить панели предполагалось на следующий день. Работали с энтузиазмом и каким-то не поддающимся описанию подъёмом. Видимо, сознание того, что они помогают в беде своему Универу, своей Альма Матер, возвышало их в собственных глазах. Они не просто работали, они творили. И это так воодушевляло их, что кто-то запел студенческую песню, и студенты с разных факультетов, не знавшие до сих пор друг друга, дружно подхватили. И вот уже по всему коридору гремел их не очень слаженный, но дружный и весёлый хор. Это было какое-то высшее единение!

Выполнив заданную работу, отмыв, отчистив и побелив свой участок, очень усталые, но очень довольные члены бригад с чувством хорошо, даже отлично исполненного долга, шли к выходу. Ведь их ещё ждали невыполненные задания на завтрашний день.

Но... Выходная дверь оказалась запертой. Какие-то мужики, не церемонясь, объясняли им, что дверь закрыта по распоряжению коменданта, так как студенты должны (!) работать ещё целый час. Студентам популярно объяснили, что они просто бездельники, пришли туда только покрасоваться. Оскорблённые в своих самых лучших чувствах, студенты пытались объяснить, что своё задание они уже выполнили, что им ещё нужно успеть в читальный зал, но их просто не хотели слушать. Было очень обидно, досадно и стыдно смотреть в глаза друг другу, как будто

они сделали что-то постыдное, а не добровольно, да ещё и с энтузиазмом, явились в эту ловушку.

Толпа таких же «преступников» росла у дверей, их грубо отталкивали и требовали, чтобы они немедленно шли работать, а не устраивали здесь балаган. Прибежала какая-то женщина (сказали, что это комендант), и оскорбления продолжались. Но студенческий энтузиазм уже бесследно иссяк, остались только обида и бессилие.

Противостояние продолжалось около часа. Студентам угрожали всевозможными карами, пытались переписать всех пофамильно, но тут уж студенты стали стеной, и из этой затеи ничего не вышло. И ни одного знакомого лица из деканатов или ректората. Понятно, что мобильников тогда и в помине не было, чтобы кому-то сообщить о прецеденте. К стационарным телефонам, естественно, никого не допустили. Наконец, с руганью и оскорблениями дверь была открыта. И эта часть студентов больше уже на ремонт не ходила.

Представители администрации опять пошли по группам, стали уже обещать освобождение от занятий, пригласительные билеты на торжественные мероприятия и всякие другие поощрения и послабления. К новым желающим относились намного бережнее, как к героям, и все обещания были выполнены. А главный корпус к юбилейным дням опять сиял красотой и чистотой. Выгоревшую аудиторию наглухо заколотили и долго восстанавливали потом, но это было уже потом. А праздник прошёл на высшем уровне. Торжественные мероприятия, концерты, встречи сменяли друг друга. В них активно участвовали, их посещали получившие пригласительные билеты, и среди них были те, кто открыто смеялся над первыми добровольцами после того злополучного вечера. Чествовали студентов и сотрудников, бескорыстно помогавших в короткие сроки восстановить здание. Но никого, работавшего в первый день, в этих списках почему-то не было. Правда, наказывать их тоже не стали. И на том спасибо!

9.12.06

ТРОЙЧАТА

(быль времен Гражданской войны)

На самом-то деле сначала их было четверо. За всю историю деревни это был единственный случай, когда народилось сразу четверо близнецов. Но самый слабенький умер через несколько дней, не успев получить даже имя. А два мальчика и девочка, можно сказать, чудом, но выправились, выжили и стали расти-подрастать, как и все деревенские ребятки. И стали их называть Тройчата. Это, когда вместе, а каждый по отдельности стал Тройчонок: Зойка Тройчонок, Колька Тройчонок и Мишка Тройчонок. Даже их старшего брата Ивана, который и был-то старше всего на год, со временем тоже стали так называть:

- Это чей Ванька-то?

- Да который Тройчонок.

- А-а, понятно...

Когда началась Великая Отечественная, вся мужская часть семьи- отец и трое сыновей - ушли на фронт. Позднее на Ивана и Николая пришли похоронки, а отец сгинул, пропал без вести. Домой вернулся только Михаил, весь израненный, но живой. И мать, и бабка к тому времени уже умерли. Так что встречала его только сестра. Вскоре они завербовались и уехали куда-то. Первое время приходили весточки, что Тройчата обзавелись своими семьями, у каждого из них появились свои Тройчонки. Но постепенно связь оборвалась. Позабылась даже их фамилия. Однако, стоит кому-то сказать-вспомнить: «Тройчата... Тройчонок...», и тут же обязательно кто-нибудь расскажет одну, можно сказать, судьбоносную для всей деревни историю, связанную именно с ними.

Шла Гражданская война... Это было очень тяжёлое, кровавое время... Красные... Белые... Кто прав?... Кто виноват?... Как понять это малограмотному или совсем неграмотному крестьянину, который, как его деды и прадеды, умел возделывать землю, растить детей и хлебушко, и вдруг попал в такую мясорубку, где практически одинаково страдал, как от одних, так и от других, не совсем понимая, а чего же хотят от него? Колчаковцы в деревне появились неожиданно. Они ввалились в первую хату,

стоявшую немного на отшибе, почти у самого леса. С первого взгляда было ясно, что ничего хорошего их появление не сулило. Пожилая простоволосая женщина, негромко вскрикнув, на миг оцепенела, а затем раскинула руки перед незваными гостями, словно могла кого-то защитить, и, медленно отступая к кровати, бессвязно забормотала:

- Сыночки!... Не берите грех!... Не берите грех на душу!... Не простится вам это!... Видит Бог, не простится!

Когда же мужики рассмотрели в полутёмной хате, что она так отчаянно защищала, то буквально остолбенели... На кровати, прикрытая какой-то дерюжкой, лежала молодая женщина, почти ребёнок, с измученным, обескровленным лицом. В её ногах сидел годовалый пацан и, весело гукая, с любопытством рассматривал неизвестно откуда появившихся странных дядек. А у стенки, прикрытые только рукой юной матери, лежали четыре неправдоподобно маленьких кулёчка с новорожденными младенцами. Они вертели игрушечными головёнками и тихонько попискивали, разевая беззубые крохотные ротики...

Увидев изумлённые и растерянные лица незваных пришельцев, бабка заголосила-запричитала ещё исступленнее:

- Пощадите!... Не губите невинные души!... Вчера только Бог дал!... Страшный грех это: обидеть их!... Али на вас креста нет?!

Мужики ошалело тарасились на кровать и... молчали. И тут Ванюшка, напуганный причитаниями бабушки, громко заплакал. Колчаковец, стоявший впереди всех, вздрогнул, громко и грязно выругался, добавив:

- Ладно... Живите...

Явный общий вздох облегчения послышался сзади. Пятясь и толкаясь, все быстро покинули хату. И только потом стало известно, что приходили они сюда с конкретным заданием и вполне определённой целью: спалить деревню. Чем уж она перед ними так провинилась, никто так толком и не понял, но, спустя и десятки лет, всем, приезжавшим в деревню, рассказывалась эта история, почти легенда, о том, как Тройчата спасли Лебедёвку, и только благодаря им, живёт она и по сей день.

16.09.05

ИЛЮХА

(быль времен Гражданской войны)

Илюха - смысленый, стеснительный деревенский паренек, этакий крепкий сибирский мужичок шестнадцати лет от роду, только-только входящий в пору первой влюбленности, но уже хорошо знающий все тяготы нелегкого крестьянского труда, известного ему с детства...

...Колчаковцы так внезапно вошли в Каменку, что Илюха и такие же бедолаги, как он, не успели даже спрятаться... История не сохранила подробностей, как он оказался в рядах "истинных защитников". То ли его, как и сверстников, просто мобилизовали, то ли взяли проводником, потому что, как настоящий сибиряк, он хорошо знал и любил тайгу, и все окрестные тропы были для него открытой книгой.

А так как о его желании почему-то забыли спросить, то тут же нашлись добровольные сторожа, взявшиеся приглядывать за ним, чтобы "мальчонка случаем не убег..." И, когда Илюха по малой нужде попытался пойти в кусты, охранники тут же окружили его и гаркнули: -

- Куда?!

Смущаясь, паренек объяснил, куда... Мужики заржали:

- Ах, ты какой нежненький! В кустики ему захотелось! Делай здесь, при всех, как мы!

- Дядечки, родненькие, да стыдно мне при всех - то... И никуда я не убегу, вот те крест!

Но это еще больше раззадорило мужиков, и скоро уже весь отряд знал, что появился среди них дефективный, малахольный, который, видите ли, стесняется как девка... и т.д. и т.п. Теперь уже подспудно за ним следили все...

А он... Чистая цельная детская натура не могла допустить такого поганства... Ну, не мог он при всех!...

Из колчаковского отряда он все-таки убежал...

Много лет спустя, его сестра, а моя бабушка Лена, рассказывала:

- Братка всегда был добрый, ласковый. Нас, девок, никогда не забижал... А как забрали его колчаковцы, вот мы поплака-

ли-то, думали, уже и не увидимся - страшное время-то было... Только появился он дня через три. Как увидели мы его, так и ахнули: в гроб краше кладут... Да и недолго он, бедный, помаялся, через неделю помер. Лекарь сказал, что мочевоy пузырь надорвался... Жалко братку-то, ох, как жалко...

март 1998 г.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

(воспоминания)

Кто-то, возможно, спросит, какие могут быть воспоминания у ребёнка, родившегося через три года после окончания Великой Отечественной войны? У ребёнка, жившего в небольшом сибирском городке, который никогда не подвергался бомбардировке, мирные жители которого не видели воочию фашистов, не провожали бесконечные вереницы людей с нашитыми жёлтыми звёздами в никуда, при первых звуках сирены не бежали, бросив всё, в ближайшие бомбоубежища, бессонными ночами не прислушивались к бесконечной канонаде.

Что может вспомнить такой ребёнок? А вот тут судить вам, а не мне.

1. Очередь за хлебом

Самое первое и самое яркое воспоминание детства - это очереди за хлебом. Мне тогда было четыре года, а брату - два. Карточки на хлеб к тому времени уже отменили, а вот очереди...

Отец поднимался в четыре часа утра. Наскоро перекусил и выпив чаю, он шёл в ближайший магазин занимать очередь. А к восьми часам ему нужно было идти на работу. К этому времени мама поднимала нас, хныкающих и невыспавшихся, умывала, кормила, и мы шли на смену отцу.

Он сообщал нам номер очереди, записанный химическим карандашом на ладони, затем громко объяснял стоящим сзади, что это вот и есть его семья, на которую он занимал очередь, и о которой он их предупреждал. Только тогда мы равноправно вливались в это временное сообщество, а отец уходил на работу.

У магазина уже не просто стояла, а клубилась огромная толпа: женщины, дети, старики. Стояли здесь и мужчины, почему-то всегда уже успевшие подружиться и «сообразить». Кто-то вязал носки, кто-то монотонно и однообразно рассказывал всем желающим каждый день одно и то же о тяжёлой, беспросветной жизни и о погибших кормильцах. Тут же завтракали, матери кормили грудничков. Однажды женщины, собравшись в кружок, даже пели песни.

Ближе к обеду подвозили хлеб. Он мог быть белым, пшеничным, ржаным или пеклеванным. Что означает это слово, не знаю до сих пор. И тут начиналось настоящее светопреставление. Очередь «строилась», и дети, несмотря на их слёзы и протесты, также запихивались в неё. Ведь норма продажи - булка в руки, иногда полторы. И тут уж бдительно считались даже наши детские ручонки. Огромная очередь выплёскивалась далеко за пределы магазина. Слышались бесконечная ругань и выяснения, кто здесь стоял, кто не стоял. Чем ближе к прилавку, тем ожесточённее проходили баталии, ведь первые обычно занимали очередь с вечера.

Добровольные блюстители порядка торжественно закрывали двери и, не дай Бог, если кто-то в этот момент отошёл по делам или просто зазевался, а его честно выстоянная очередь оказывалась внутри магазина. «Занимай снова!» - вот и весь сказ.

Тут-то и вступал в своё решающее действие номер, написанный на ладони. Когда очередной, распаренный счастливый обладатель хлеба выбирался из магазина, только этот номер очереди служил законным пропуском туда, ближе к хлебу. Причём, с завидным постоянством находились «любители» подделывать этот несчастный номер, и с таким же завидным постоянством они тут же вычислялись почти сроднившейся за полдня толпой и торжественно изгонялись из её временно дружных рядов. А иногда даже маленько избивались под одобрительные возгласы окружающих. Драки, смех, ругань, маты...

Как только очередь добровольного наблюдающего исчезала в магазине, ему тут же находилась достойная смена, желающих почему-то всегда было больше, чем нужно. Купленный хлеб расходовался очень экономно и растягивался на несколько дней. Если хлеба на всех в магазине не хватало, а такое частенько случалось, то на следующий день всё повторялось сначала.

Однажды, когда моя счастливая мама, держа на руках братишку и подталкивая вперёд меня, сказала продавщице: «На троих», та вдруг заартачилась:

- Нет, только на двоих! Пацан маленький, он не считается!

- Как это не считается? Он ведь тоже полдня толокся в этой очереди!

- А вот так! Не считается и всё! Да он и хлеба-то столько не съест! Бери на двоих и уходи! Не мешай работать!

Толпа загудела. Одни, с малыши на руках, истерично закричали:

- На всех! Давайте на всех!

А стоящие без детей, конечно, приняли сторону продавщицы:

- Не давать! Не давать! А то соберут всех соседских сопляков и хапают, хапают!

Честно говоря, было и такое. Иногда, купив хлеба по своей очереди, матери по договорённости тихонько передавали своих детей соседям или родственникам, стоящим сзади. Ребёнка ведь легче подсунуть в очередь, у него нет номера на ладони, а научить громко называть соседку или тётю мамой, чтобы купить лишнюю булку хлеба, было не так уж и сложно. Один-два раза это могло сработать.

Короче, продать хлеб на братишку нам категорически отказались, несмотря на горячие заверения сочувствующих знакомых:

- Да её это пацан, её!

Это был первый и последний раз в жизни, когда я видела, как громко и безутешно плакала несчастная мама, как истошно кричал перепуганный братишка. А вокруг были глаза, глаза! Одни - заплаканные, несчастные и сочувствующие, другие - озлобленные, торжествующие и довольные. А вечером, рассказывая о происшедшем отцу, мать в сердцах сказала братишке слова, о которых жалеет до сих пор:

- Видишь, Петенька, хлеба на тебя не дали, значит, и кормить тебя не будем.

Двухлетний братишка не очень-то и понял, о чём она говорит, а вот со мной случилась ужасная истерика, после которой я несколько дней не могла подняться с постели.

2. Инвалиды

Наш небольшой сибирский городок Боготол во время войны, разумеется, находился в глубоком тылу, поэтому не-

сколько школ были отданы под госпитали. Конечно, когда я, послевоенный ребёнок, уже стала осознавать себя, школы опять были школами, а госпитали перевели в другие города. Но в Боготоле осталось много инвалидов. Одним просто некуда и не к кому было возвращаться. Другие не хотели стать обузой в своих семьях. А кому-то уже было всё равно, где доживать свою искореженную жизнь. Вот и прижились они в нашем городке. Возможно, их было не так уж и много, но безрукие, безногие, на самодельных деревянных тележечках, на грубо сколоченных костылях, с обожжёнными, изуродованными лицами мужики - в те годы для нас, детей, это было привычное явление на улицах нашего города.

Кто-то сам был родом из наших мест, кого-то приютили сердобольные женщины, сами в войну, как говорится, нахлебавшись горького до слёз. Кто-то обретался неизвестно где. Но днём все они были на улицах. Умело или не очень играли на гармошках, пели жалобные песни или разухабистые частушки, просили или требовали милостыню. Но чаще всего они предпочитали сидеть у магазинов. Причём, у каждого магазина был свой постоянный «сиделец», а иногда даже два или три.

Изуродованные, в затрапезной одежонке, они целыми днями сидели на земле у крыльца магазина. Сидели под дождём и на солнцепёке, молча тянули руки или громко кричали что-то вслед: то благодарность за поданную монетку, то проклятия проходившим мимо. Милиция их не трогала, люди относились по-разному. Кто-то жалел, старался подкормить, посочувствовать. Кто-то громко ругался, что от этих пьяниц проходу нет, что пора бы очистить от них город. Но таких было меньшинство.

Иногда инвалиды ходили друг к другу в гости, а иногда между ними случались драки, если кому-то, как казалось, перепадало больше, чем другим. Ползая по земле, страшно матерясь, они размахивали костылями, хватали друг друга за ветхую, заплатанную одежонку - в общем, зрелище было ужасное, но, повторяю, привычное.

После обеда картина кардинально менялась. Те, кому хватало пожертвованных медяков, покупали вожделенную бутылку и тут же в одиночку или в компании распивали её. Затем страш-

но плакали или располагались на отдых, иногда перекрыв вход в магазин. Во сне они стонали, вскрикивали, отдавали команды или что-то несвязно бормотали, как будто жаловались кому-то. Люди, а особенно дети, опасливо обходили их стороной, стараясь не задеть. Мало ли что пьяному придёт на ум. Хотя, честно сказать, не помню ни одного случая, чтобы они кого-то обидели без причины, а детей жалели и при случае даже защищали.

Огромный и когда-то, наверное, очень красивый Стёпка-Обрубок, ноги которого были ампутированы по самый пах, напившись, громко плакал во сне и всё время звал маманю.

Когда-то эти люди любили, строили дома, работали, не покладая рук, потом честно воевали, защищали свою Родину, а теперь это были несчастные калеки, потерянные и потерявшие себя, оказавшиеся никому не нужными человеческими обрубками. Это сейчас участникам и инвалидам той войны оказывается всяческое внимание и поддержка, а в те времена, видимо, их было очень уж много, и каждому приходилось выживать в одиночку. Но лет через пять все эти несчастные, обездоленные калеки потихоньку исчезли и с улиц, и из нашей жизни. Они быстро умирали, умирали от ран, от водки, от собственной заброшенности и ненужности...

Мир Вашему праху, низкий поклон, и, если можете, простите нас!

2005 год

АФГАНИСТАН

(документальный рассказ в письмах)

Тогда все было так легко и просто. Родственники в Сибири, родители в Киргизии, брат в Узбекистане, сестра в Казахстане, а я с семьей на Дальнем Востоке. Вполне возможный вариант. Нас не разделяли ни границы, ни государства. Единственно, что доставляло существенное неудобство - это расстояния. И тут на помощь приходили письма, обычные семейные письма с обычными внутрисемейными новостями. Но так как они приходили из дальнего далека и от самых близких мне людей, то казалось кощунством выбросить их сразу же после прочтения в мусорный ящик. Как-то мимоходом они сначала складывались на полочку серванта, затем переключивались в целлофановый пакет и годами лежали среди вроде бы ненужных, но чем-то дорогих бумаг.

Недавно я перечитала эти письма и удивилась тому, как верно они отражают дух того времени, ту жизнь, те события. Удивилась и многое переоценила...

Здесь я собрала выдержки из писем, относящихся к одному немаловажному событию в нашей семье, да и в нашей стране, случившемуся без малого четверть века назад. Каждое слово, каждая строчка, каждая запятая оттуда, из тех времен и тех писем. А писал их мой брат, который после окончания Томского политехнического института жил и работал в городе Навои.

7.10.78 г.

Здравствуйте!

С вотским приветом Петя.

Как видите по фотографии, я призван в армию. 21 сентября мне вручили повестку, а 25 я должен был быть в части, и вот уже две недели службы прошли. Наша часть и военный городок находятся под Ашхабадом, в четырех километрах от него. Мне дали должность начальника расчета, дали ракетную установку, которую я ни разу в жизни не видел, только по телевизору на парадах. Вот и приходится сейчас очень много изучать заново: и технику, и уставы, и армейскую жизнь.

Люда с Юлей остались пока в Навои. Зимой она поедет на сессию в Томск, а летом на защиту, Юля будет с ее родителями, а здесь пока нет никаких условий для семьи: ни квартиры, ни садика для дочери, ни работы для Люды. А к лету обещают сдать двенадцати-квартирный дом, тогда что-нибудь будет, да и Люда к тому времени, может быть, защитится, и они переедут сюда ко мне. От Навои всего 19 часов на поезде, так что буду навещать их почаще. Вот в ноябре - декабре обещают отпустить на недельку, помогу ей немного подготовиться к сессии.

Вот так сложилась моя судьба, а я уж думал, что меня оставили в покое и не призовут.

Климат здесь еще теплее, чем в Навои, но хорошо, что сейчас осень, и привыкать к кителям, галифе и сапогам с фуражкой не так тяжело.

Живу пока в офицерском общежитии, питаемся в столовой за свой счет. Но вечерами и в воскресенья заняться абсолютно нечем, ездим в Ашхабад, болтаемся по городу. Город довольно неопрятный, пыльный, низкий. Мне мало понравился.

Вот три дня назад была черная пыльная буря, света белого не видно, как в Сибири зимой буран, только вместо снега - мельчайший песок и пыль. Наипротивнейшая вещь.

Рядом горы Копет-Даг, по ним проходит Иранская граница, так что мы сейчас живем на краю Союза. Вы можете трудиться и спать спокойно - я охраняю ваш покой.

Мой адрес:

744019, г. Ашхабад - 19, до востребования.

Мне так легче получать, чем, если бы через военную часть.

Целую всех.

Петя.

31.10.78 г.

...Вашего письма не получил, потому что нас, двухгодичников, перебросили в новое место, в город Чирчик под Ташкентом, на двухмесячные сборы командиров. Это почти рядом с домом, каких - то 500-550 км. По дороге сюда заехал домой на 5

суток, на седьмое поеду на 4 суток. Новый Год встречу в кругу семьи. Так что поначалу служба идет довольно нормально. В часть вернусь после Нового Года.

Дочь сейчас постоянно ждет папу-офицера, и чуть кто обидит, сразу же обещает, что папа привезет "пиштолет" и она "заилтрелит" обидчика. И еще ей со страшной силой понравилась военная фуражка, готова спать с ней.

Вот так мы и живем.

Да, вот теперь - то я понял, что лучше всего служить в свои годы. Хоть я и офицер, все равно в некоторых вещах приходится тяжело: приходится менять (времененно) некоторые сложившиеся взгляды на жизнь, привычки, отношение к работе. А это не всегда приятно. Ну, ничего, переживем и это...

...По этому адресу мне пока не пишите, обещают после седьмого перебросить куда-то в другое место, куда - пока не знаю.

23.11.78 г.

... С боевым приветом Петя.

Вернулся со сборов из Чирчика, получил на почте ваше письмо, за которое большое спасибо. Сразу же, как приехал сюда, я попал на учения, и вот уже вторую неделю находимся в полевых условиях. Когда вернусь в Бикрову - пока не знаю, но надеюсь, что скоро. Из прессы, радио и телевидения вы знаете о событиях в Иране, которые и влияют в некотором роде на мою службу. А, в общем, служба идет довольно нормально, единственное неудобство - нет жилья, чтобы привезти семью, придется почаще наведываться домой.

Мне пишите по - прежнему до востребования, а для посылки адрес: 744019, г. Аихабад -19, в/ч ...

...Вот вернулся с боевого дежурства, больше месяца там был, а на почте меня ждала куча писем, в том числе и от вас.

Большое спасибо.

Вот только здесь я понял, что значит, получать письма, как это приятно после долгого пребывания в полевых условиях.

Посылку вашу тоже получил 20 января, огромное спасибо. Варенье очень понравилось, хотя я его и ел впервые. А

о рыбе и говорить нечего, она здорово скрасила наш, более чем скромный и сухой, солдатский стол.

У нас здесь уже весна самая настоящая. Доходит до +15. Кругом трава зеленая, прелесть. Правда, и всяких гадов много появилось: змей, скорпионов, фаланг. Особенно много скорпионов.

...Где - то в апреле Люда с Юлей собираются приехать ко мне в гости. Я не думаю, что им здесь особо понравится. Но что поделаешь, я не выбирал место, где служить. Здесь сейчас цветут и зеленеют сады. Первое цветущее дерево я увидел 12-го марта. Тепло, до +28 доходит, всюю загораем. Дождей с конца февраля нет. Жаль, что скоро вся трава выгорит и начнется адское пекло.

Служба моя идет по-прежнему: учения, боевые дежурства, проверки всех калибров, одним словом, скучать не дают.

24 - го марта исполнилось полгода, как я надел погоны, вернее, на меня их надели. Осталось не так уж много, если учесть, что предстоят два очередных отпуска по 30 суток каждый...

...Димуюлю поздравляю с приближающимся днем рождения. Желаю отличного здоровья...

1.02.80 г.

...Давно я вам не писал и от вас ничего не получал, да и не мудрено, ведь мы находимся на учениях, уже второй месяц не живем в Бикрове. Последнее мое местонахождение, откуда я и пишу это письмо, под городом Термез Узбекской ССР, что находится на границе с Афганистаном. Я думаю, вам не надо объяснять, где я буду в скором времени. Похоже, что заканчивать свою службу буду за границей. Родителям об этом я пока не писал. Не хочется беспокоить раньше времени. Во всем остальном у меня все хорошо, здоровье нормальное, настроение тоже.

На несколько дней заскочил в Навои. Там тоже все нормально.

Погода здесь сейчас очень переменчивая, то до +15 доходит днем, то пурга снежная метет, а через 3-5 дней опять

тепло. Но мы уже ко всему этому привыкли. Мне начинает казаться, что я был военным всю жизнь.

Пишите о себе, как здоровье детей, как квартирный вопрос решился.

Мой адрес:

732001, г. Термез -1 Узбекской ССР, в/ч ...

Возможно, успею получить ваше письмо по этому адресу, а если не успею, то все равно переправить должны туда, где будем находиться...

14.02.80 г.

...Получил ваше письмо, мне его переслали из Бикровы, большое спасибо. Наконец-то прорвалась завеса молчания, два месяца ничего никто не получал, а тут целая куча писем каждому. Оказывается, лежали на почте по одному - два месяца. Ну, ничего не поделаешь, издержки военно-полевой жизни. Посылку я вашу так и не получил, мне сообщили (я интересовался), что даже извещение не приходило на почту. Очень сожалею, что ваше беспокойство пропало даром.

Служба моя идет нормально, скоро пойдем выполнять интернациональный долг. Обстановка в общем спокойная.

...Новостей у меня особых нет, да и какие новости могут быть в поле, кроме того, конечно, что здесь уже весна наступает, все холмы зеленые, деревья набухают, идут теплые дожди, а когда солнце (а оно почти постоянно), в палатку не зайти - душно.

По последнему адресу, в Термез, больше не пишите, как только узнаю новый адрес - сообщу...

28.03.80 г.

...Давно я не писал вам, прошу извинить меня. Письмо ваше с фотографией детей получил с полуторамесячной задержкой, пока его из Бикровы передали сюда. Из Бикровы мне сообщили, что обе посылки пришли туда, и, если будет возможность, - обещали передать сюда, а по почте посылки в Афганистан не посылаются. Но, если они придут к вам назад за отсутствием адресата, то сильно не удивляйтесь. Большое вам

спасибо за беспокойство, очень жаль, что я сам не смог за получить. Служба моя понемногу двигается к финалу, обстановка здесь спокойная, думаю, все обойдется без всяких осложнений. По территории Афганистана двигались своим ходом, немного посмотрел на здешнюю жизнь. Все непривычно, в диковинку, интересно. Сама по себе, на внешний вид страна довольно симпатичная, сплошные горы с уютными долинами, ущельями. Народ в основной массе очень бедный, неграмотный. Познакомиться ближе с укладом жизни местного населения пока не было возможности, думаю, что когда полностью обстановка нормализуется, такая возможность появится.

С нетерпением считаю оставшиеся дни до дембеля. Осталось совсем мало по сравнению с тем, что уже прошло...

Посылки он так и не получил, они вернулись обе назад... Да и обстановку в Афганистане еще много лет нельзя было назвать нормализовавшейся...

15.04.80 г.

....Служба моя идет по-прежнему, без особых изменений. Удалось съездить в Кабул, посмотреть столицу. Город очень непривычный для нашего глаза, сплошная экзотика. Очень жаль, что смотрел из окна машины, не останавливаясь, а как хорошо было бы погулять ножками по кабульским улицам, посмотреть поближе, как живут люди, какое у них настроение, чем торгуют на базарах и в лавках. Все лавки частные, у каждого своя цена (тогда для нас это было в диковинку). Видно, что торгуют в основном безделушками, очень мало товаров бытового назначения, продуктов. Но мясо свежее на базарах есть (о цене не знаю), дрова продаются на килограммы. Очень интересно видеть базары, где продаются ошкуренные бревнышки и жерди. Цена, видимо, немалая, так как строевая древесина здесь большой дефицит.

В столице, в отличие от провинции, на улицах встречаются женщины, некоторые даже без паранджи, но, в основном, в парандже. Идет такая женщина, с головы до ног закутана в бесформенную материю, открыты только кисти рук, и не пой-

мешь, молодая или старуха, красавица или крокодил. Очень интересно видеть молодых модниц - в джинсах, на высоком каблуке - и маленькая паранджа.

Большая часть города - бесформенные беспорядочные застройки, только центральные улицы более - менее современные.

Очень много виноградников, но как ни странно - вино не делают, спиртное вообще запрещено исламом. Недавно ездили в одну афганскую войсковую часть, играли в волейбол. Также очень непривычно видеть такую картину: подходит определенное время - почти все воины, кроме коммунистов и комсомольцев, бух на колени лицом в сторону Мекки и совершают намаз. Одним словом, экзотики хоть отбавляй, будет что вспоминать...

27.05.80

...Давно я вам не писал, прошу простить меня, но военная обстановка не всегда дает такую возможность. Служба моя идет своим чередом. С каждым днем все ближе момент увольнения, осталось 80 дней. В первых числах мая был в командировке в Союзе.

Обстановка здесь сейчас более - менее спокойная, но снег с гор сошел, басмачи начали пошалить. Наглеют сволочи, пользуются нашим миролюбием и гуманизмом.

Недавно видел оружие, которое изымается у душманов (так здесь называются басмачи). Здесь мечи, сабли, ятаганы 200 - летней давности, кремниевые ружья, винчестеры времен колониальной войны в Индии. Также очень много современного оружия.

Настроение у нас у всех бодрое, полны оптимизма и уверены в благополучном исходе всей этой кампании..

... 12 июля моему брату исполнилось тридцать лет. Я, нивная, пошла на почту, чтобы дать поздравительную телеграмму. Подаю бланк с текстом в окошечко, там смотрят на адрес и говорят: "Что вы здесь написали? Такой военной части у нас нет. Телеграмму не примем". Сколько я им не доказывала, что такая часть есть, что я туда писала письма и получала ответы, меня

даже не хотели слушать. И тут мне в голову пришла мысль, что может, вся их часть уже погибла и именно поэтому ее уже нет. Во всех этих военных делах я плохо разбираюсь. Короче, со мной там случилась истерика, и меня отправили к какому-то начальнику. Но и тот ничего утешительного мне не сказал, а только мямлил, что зря я так расстраиваюсь, просто, может быть, туда нельзя посылать телеграммы и т.д. и т.п.

В-общем, телеграмму у меня так и не приняли, домой я пришла совершенно разбитая и... стала ждать. До сих пор помню, как страшно было открывать двери на неожиданные звонки, вынимать почту из ящика, начинать читать письма. Около месяца я жила в таком неведении и очень хорошо поняла, каково было женщинам во время войны, но тогда они хотя бы понимали друг друга, а когда я пыталась поделиться своими сомнениями с коллегами по работе, то на меня смотрели, как на назойливую муху, настолько им все это было далеко и чуждо. Ведь ни по радио, ни по телевизору об Афганистане почти ничего не говорили, а если и были короткие сообщения, то все в урапатриотическом духе...

А вот несколько выдержек из писем тех времен, которые я получила от сестры и родителей из Фрунзе (Бишкека). Учитывая географическое положение (близко к Афганистану), там было известно намного больше, чем на Дальнем Востоке.

...Петя сейчас в Афганистане. Пишет, что все пока тихо, спокойно, очень тоскует по Родине... Когда он был в Термезе, мы посылали ему посылку, которая через месяц пришла назад...

8.02.80 г.

...Петя в начале января прислал письмо, в котором просил, чтобы мы ему не писали на старый адрес, потому что их должны были куда-то перебросить, а куда, он нам не написал. Людмила пишет, что от него и им нет давно писем. А у нас ведь такая напряженная обстановка: многих мобилизованных парней посылают в Афганистан, ну а что там сейчас творится, вам и так хорошо известно. В Ташкенте, Самарканде все больницы под госпитали отдали, очень много раненых и, в основном,

изуродованных. В общем, с басмаческими замашками эти афганцы и пакистанцы, а ребята гибнут ни за что. По телевидению об этом не говорят, но ведь это недалеко от нас, а некоторым в городе уже пришли похоронки...

... Люда с Юлей сейчас у нас, были на Иссык-Куле, домой вылетают 26 -го июля. О Пете, детки, не беспокойтесь. 25 августа он должен демобилизоваться. Да, Люда рассказала, что ему пришлось немножко пострелять. 8-ого мая он приезжал неожиданно в командировку, был дома два дня, заказал с нами переговоры, а 10-го отиравшись в Афганистан с техникой. По следованию на них напала банда. Впереди идущую машину обстреляли. Петя заметил, схватил автомат, а в это время, как Петя пригнулся, просвистели две пули, одна над головой спереди, а вторая сбоку у затылка. Он выскочил на обочину, а водитель за ним, но забыл автомат водитель, вернее, растерялся. Петя принял решение отстреливаться. Впереди идущие машины на выстрелы вернулись, и сзади идущие подошли, когда перестрелка кончилась, Петя подошел к машине, которую обстреляли вперед, вытащил друга, а он весь в крови, последние судороги у Пети на руках и конец жизни. Оказывается, меткий выстрел в лоб водителю и офицеру. Вот и Петя каким чудом уцелел, просто не могу слов найти. Он очень переживает за друга, был очень человечный. 23-го июня объявили о выводе войск из Афганистана, а 26-го их вывели, он заскочил домой на денек. Вот мы от Люды все и узнали, а от него писем все нет. Мы так переживали, душа моя чувствовала. Теперь, детки милые, думаю, вам понятно, о какой телеграмме могла быть речь. Приедет, сам все расскажет...

Позже брат сам рассказывал о том нападении, когда погиб его друг. Когда Петя подбежал к его машине, то первое, что он увидел, была ярко-красная струйка крови, которая вытекала из-под дверцы машины. Там, где она с силой ударялась о землю, образовалась ослепительно-белая шапка пены. И с тех пор вот это сочетание двух цветов: ярко-красного и ослепительно-белого - очень угнетающе действуют на него, вызывая тяжелые воспоминания...

Из письма мамы:

...Наконец, дождались Петю. Даже не верится, что все неприятности позади. А их было много по рассказам, и как остался жив, просто чудом или счастлив кто-то из нас. В письме, конечно, не опишешь. Встретимся, тогда поговорим. Пробыл он у нас дней 10. Ездил в Каджи-Сай. Там ему предложили должность военпреда. Вот уехал на совет с Людой и пока ничего нет...

От предложенной должности брат отказался, хотя его согласие могло бы решить многие и финансовые, и жилищные вопросы семьи. Но остаться военным у него не было абсолютно никакого желания - навоевался...

Летом следующего года, когда мы собрались все у мамы с папой, брат рассказывал нам многое из своей афганской, совсем даже не мирной и спокойной, жизни. В частности, он рассказывал о том, как они вели технику из Союза. И, когда проходили какой-то тоннель (не помню, как он назывался), то он почувствовал вдруг себя плохо, стало тяжело дышать из-за выхлопных газов, водитель рядом потерял сознание. Тут брат вспомнил, как в детстве, если кому-то было плохо, мама давала нюхать нашатырный спирт. Брат выхватил его из аптечки, вдохнул сам и дал водителю, тот пришел в себя. Затем, увидев, что передние машины начинают останавливаться, брат побежал туда, прямо лил нашатырный спирт на платок и вместе с другими, не потерявшими сознание, пытался приводить людей в чувство, прикладывая платок к лицу. Кое-как таким образом они выбрались из тоннеля. К счастью, их машины были близко от выхода. В тот раз они потеряли много людей. Позже я прочитала о подобном страшном событии тех времен в газете "Совершенно секретно" за 1990 год в рубрике "Неизвестные военные катастрофы", но происшедшем в октябре - ноябре 1982 года в Салангском тоннеле. Мы же слышали эту историю, повторяю, в 1981 году.

Раза два на моего брата оформляли представления на правительственные награды, но каждый раз оказывалось, что кто-нибудь из вышестоящих чинов выглядел в той ситуации, о которой шла речь, не очень красиво, и поэтому даже разговоры о на-

граждении тихо-мирно спускались на тормозах. Однако, самую дорогую награду и для себя и для нас мой брат все-таки получил: он остался жив и даже не был ранен. Правда, сразу после демобилизации мой крепкий здоровый тридцатилетний брат целый месяц пролежал в больнице: сердце. И с тех пор оно уже не дает позабыть о себе. Как сказала бы наша неграмотная, но мудрая бабушка: "Надорвал, голубчик, сердце - то..."

Из письма брата (1990 год):

...Я сейчас вспоминаю наш боевой девиз: " Главное - не схватить пулю в лоб в первые секунды боя, а там сориентируемся и как-нибудь выкрутимся". Вот и крутимся...

2003 г.

НЕБОЛЬШИЕ ИСТОРИИ О СТИХАХ

Синяя тетрадь

Когда после окончания средней школы я поступила в Университет, то специально купила толстую синюю общую тетрадь. Записала туда все предыдущие поэтические опыты школьных лет и увезла с собой в общежитие. Пять лет эта тетрадь исправно путешествовала со мной: после весенней сессии - домой, а осенью опять поселялась в шкафу студенческого общежития между тетрадями с лекциями и практическими занятиями. Даже близкие мои подружки, с которыми мы проживали в одной комнате вместе четыре года, не догадывались, как мне кажется, что иногда я пишу стихи. Я тайком записывала их в эту тетрадь и опять благополучно убирала её в шкаф.

Главный дефицит насыщенной студенческой жизни - это время. Поэтому стихов было не так уж и много. По крайней мере, к моменту получения диплома заполнена она была чуть больше, чем наполовину. И вот, когда я уже в качестве новоиспечённого специалиста последний раз уезжала из Томска, моя тетрадь таинственно исчезла. Девчонки из комнаты очень удивились, узнав о существовании оной, но активно помогали мне искать. Однако, увы и ах!

В школьные годы я в составе агитбригады частенько выступала с чтением стихов и рассказов, но других авторов. На память я никогда не жаловалась, но свои стихи почему-то никогда даже не пыталась запоминать. Да и сейчас я их не запоминаю, а при необходимости читаю только с листа. Поэтому, приехав домой, я что-то восстановила с каких-то сохранившихся черновиков или со страниц местной газеты «Знамя Ленина», где в последнее время они иногда печатались, куда их относил мой отец. В памяти случайно сохранились только самые коротенькие стихи, которые зацепились когда-то где-то в уголках памяти. Очень жаль, но что-то так и пропало навсегда. И вот уже более сорока лет я задаюсь вопросом: куда же исчезла та злополучная синяя тетрадь? И смешно, и грустно..

Но, если честно, то когда я теперь перечитываю поэтические опусы тех лет, то, в большинстве своём, вижу, какие это слабые, просто зарифмованные строчки. Есть, конечно, плюс - большое желание сочинять, но явно прослеживается и приличный минус - почти абсолютное отсутствие настоящего жизненного опыта и явная подмена его книжным взглядом на многие моменты жизни. И всё-таки тетрадку жаль!

«Гроза»

Первые два четверостишия я написала, можно сказать, «на заре туманной юности», в 1965 году, когда ещё училась в школе. Сорок лет я считала это стихотворение законченным. И вдруг в октябре 2005 года, уже на склоне жизни, у меня придумалось третье четверостишие. И, как мне кажется, оно совершенно изменило и смысл, и содержание данного стихотворения, причём в лучшую сторону. Дописать такое в юности я просто не могла из-за элементарного отсутствия жизненного опыта, и только прожив большую часть жизни, я получила возможность его дописать. Вот и получается, что иногда, чтобы написать стихотворение, сначала просто нужно прожить жизнь.

«Цыганка»

Я училась уже на втором курсе Университета, а брат - на первом курсе Томского политехнического, и жили мы каждый в своём общежитии. Однажды после поездки домой он пришёл к нам в гости, чтобы передать мамулины разносолы и заодно рассказал мне одну забавную историю, случившуюся дома.

Была у нас соседка тётя Рая. Очень добрая, открытая, но очень эмоциональная женщина. Она всегда хорошо относилась к нашей семье, уважала маму и частенько по-соседски забегала то за каким-нибудь рецептом, то рассказать о какой-то семейной неурядице и попросить совета, а то сообщить какую-нибудь сногшибательную новость.

Однажды она вбежала в дом, возбуждённая до крайности, и просто ошарашила маму вопросом: «Это правда, что ваша Го-

ня летом оделась цыганкой, ходила по улицам босиком и всем гадала?». Вопрос был настолько нелепым, что мама только и сказала: «Что за чушь ты говоришь?». На что тётя Рая просто просияла: «Вот и я говорю, что этого просто не может быть! Но они говорят, что об этом даже в местной газете писали!» - «Кто они?» - «Да в магазине бабы в очереди. Одна сказала, а другие подтвердили, что даже сами читали в газете. Я там со всеми переругалась! Я же знаю, что Тоня не могла такого сделать!».

А надо сказать, что город наш Боготол был в те времена довольно маленьким, и практически все друг друга знали, как родственников, как соседей, как земляков или соседей земляков и родственников, как сослуживцев или одноклассников своих детей. Знали и нашу семью. Совсем недавно сначала я, а потом и брат окончили школу с медалями и сразу поступили в ВУЗы. Разумеется, всё это уже давно и обстоятельно было обсуждено в тех же магазинных очередях не без участия нашей соседки, тем более, что очереди в те времена были обязательным атрибутом нашей жизни. И вдруг такая сенсация!

Услышав явную нелепость, тётя Рая, конечно же, рьяно бросилась защищать меня, но после упоминания о газете она немного растерялась и прибежала к маме за опровержением и поддержкой.

И тут мама поняла: «Да подожди ты! Это в газете недавно было напечатано Тонино стихотворение, называется «Цыганка». Ты же знаешь, что Тоня немного пишет стихи. Вот одно из стихотворений и было напечатано. Только и всего». Мама достала газету и показала то злополучное стихотворение, из-за которого разгорелся сыр-бор, показала и нашу фамилию, довольно редкую, под ним. Тётя Рая была счастлива. Она почти вырвала газету из маминых рук и заторопилась опять в магазин.

Газета, порядком зачитанная и потрёпанная, вернулась домой только через несколько дней. Но, благодаря тёте Рае, справедливость полностью восторжествовала! Спасибо Вам, милый добрый человек! Вспоминаю её, и сразу на душе становится теплее.

Праздник

А этот забавный случай произошёл уже более двадцати лет назад. Я работала программистом вычислительного центра одного из ВУЗов города Комсомольска-на-Амуре.

Приближался день 8 Марта. По заведённой традиции профком дал задание нашему коллективу выпустить поздравительную праздничную стенгазету, несмотря на то, что коллектив у нас, в основном, был женским. Но тогда это никого не удивляло. «Партия сказала: «Надо!» - Комсомол ответил: «Есть!»». Поскольку я продолжала грешить стихоплётством, то с удовольствием написала поздравительное стихотворение, а девочки-операторы оформили большую красочную стенгазету, которую и повесили в фойе у входа для всеобщего обозрения и праздничного настроения, где она и висела целую неделю. И, надо сказать, что эта неделя была, наверное, самой весёлой в истории нашего коллектива.

Поскольку вычислительный центр был востребован всегда, то, разумеется, каждый день к нам приходили сотрудники и преподаватели-мужчины. И почти все такие посещения начинались с поздравлений по поводу предстоящего, а затем уже и прошедшего праздника. Причём, почти каждый мужчина считал своим долгом сказать что-то вроде: «А вы читали, как мы вас поздравили?». И кое-кто даже цитировал отдельные строчки. А мы хором восхищённо отвечали: «Да, конечно! Спасибо! Спасибо!». Надо сказать, что все мужчины уходили очень довольные собой.

Гаврилиады

Лет 15 назад от одной из наших программисток услышали мы анекдот про инопланетянку. Сюжет его был настолько необычным и смешным, что запомнился, и в 1999 году я между делом написала шуточное стихотворение «Инопланетянка».

А на телеканале НТВ одно время регулярно раз в неделю шла передача «В нашу гавань заходили корабли...» (один из ведущих - писатель Успенский). Я знаю, что многие люди и целые

семьи с огромным удовольствием смотрели её, интересную, немного ностальгическую, какую-то очень домашнюю. Наша семья, конечно, не была исключением.

И вот появилась там рубрика «Гаврилиада». Всем желающим предлагалось придумывать стихи-истории на любую тему про Гаврилу и присылать на передачу, где лучшие из них будут исполнены. Это предложение меня очень заинтересовало, и я написала первую Гаврилиаду. Каюсь, но сюжет взяла тот же самый, что и в «Инопланетянке». В общем, получились два разных стихотворения на один и тот же сюжет, практически об одном и том же. В 2000-м году отправила Гаврилиаду на телепередачу, и надо же, её там не только заметили, но артист Бортник даже спел на мотив «Рыбачки Сони» в очередной передаче.

Знакомые и друзья поздравляли меня. Воодушевленная и счастливая, я написала продолжение первой Гаврилиады и ещё одну историю про Гаврилу. И опять отправила в Москву. Но, но... Передача эта с НТВ вдруг исчезла. Потом уже я узнала, что какое-то время она шла, но на другом канале, а потом вообще превратилась в радиопередачу. И судьба моего второго послания так и осталась неизвестной для меня. Но мне понравилось фантазировать по поводу судьбы многострадального Гаврилы, и вскоре я написала ещё и третью историю про него.

Эти Гаврилиады я читала на встречах, их охотно напечатали в «Экумене», «Комсомольске литературном», а вот стихотворение «Инопланетянка» осталось как-то в стороне. Но недавно прочитавшие её спросили: «А дальше что?» и просто требовали продолжения. Ведь если в первой Гаврилиаде главным героем был неженатый Гаврила, то в «Инопланетянке» это был Иван, уже имеющий жену Лизавету и даже двоих детей. А что же будет с ними, когда Лизавета и дети приедут домой? Так вот пришлось писать продолжение и для «Инопланетянки». И если Гаврила, в конце концов, улетел вместе с прилетевшими за ним своими потомками к возлюбленной, то здесь, наоборот, инопланетянка навсегда осталась на Земле и очень довольна и счастлива (но не с Иваном!). Вот так и получились две разные шуточные истории с одинаковым началом, но совершенно разными окончаниями.

Серафима Михайловна, большое спасибо за анекдот!

Послесловие

Каждому, **начинающему писать**, я бы сказала: «Что-то писать - это, в первую очередь очень большой труд, но, если у вас есть желание и какие-то способности писать стихи или прозу, то пишите обязательно!». Это вам мой первый совет.

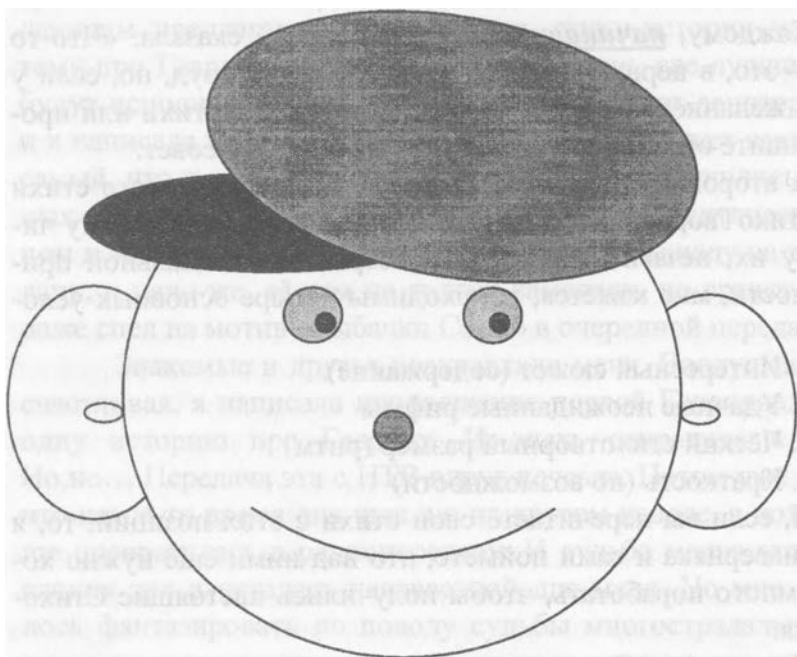
А второй совет вот какой. Для того, чтобы просто стихи стали Стихотворениями, которые будут интересны каждому читающему их, независимо от пола, возраста и социальной принадлежности, мне кажется, необходимы четыре основных условия:

1. Интересный сюжет (содержание)
2. Удачные неожиданные рифмы
3. Чёткий стихотворный размер (ритм)
4. Краткость (по возможности)

И, если вы перечитаете свои стихи с этих позиций, то, я думаю, наверняка и сами поймёте, что над ними ещё нужно хорошо и много поработать, чтобы получились настоящие Стихотворения.

Но дерзайте! Терпения вам, трудолюбия и удачи!

С уважением Антонина Кухтина

ЮМОРЕСКИ

*из цикла
"Эти забавные буквы"*

ПЕЧАЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПОСЕЛКОВОГО ПИНКЕРТОНА

Признанный поселковый Пинкертон Паша Пеночкин, прикрываясь полами поношенного прорезиненного плаща, поспешно прогуливался по промокшему причалу, пытаясь прикинуться просто прохожим. Погромыхивало, посверкивало... Поднебесные потоки противно похлопывали по протертому пегому плащу. Порядком поношенные полуботинки почему-то предательски похлопывали...

Подошел переполненный паром. Первым по проходу, придерживая портфель, прошествовал представительный поселковый почтальон. Приземистый помощник почтальона пронес посылки, прибывшие паромом. Потом, привычно пихаясь, проталкиваясь, почти пробежали прочие пассажиры, прикрываясь полиэтиленовыми пакетами, папками, пиджаками, пытаясь побыстрее покинуть потемневшую промокшую палубу. Пижонистый парикмахер предусмотрительно покинул палубу последним. Патлатая прическа прибывшего проходимца почему-то подозрительно посветлела. Понятно! Перекрасился подлый пьянчужка! Подгримировался!

Подобная предосторожность парикмахера приятно позабавила повеселевшего Пашу. Поллюбуйтесь! Пустоголовый паяц пытается перехитрить Пашу Пеночкина! Парнишка просто перегрелся! Примитивная попытка потерпела полнейший провал! “Прежде поменяй памперсы, пацан! Потом поговорим!”... - презрительно подумал порядком промокший, продрогший, проголодавшийся Пинкертон, преследуя приметное палевое пальто предполагаемого преступника...

Парикмахер попал под подозрение позавчера... Позавчера Павел Пеночкин, проходя по полутемному переулку, почему-то поскользнулся. Почти падающего Пашу предупредительно подхватил проходивший поблизости парикмахер.

- Поосторожнее, паря, пятки поломаешь, - приветливо пробормотал паренек.

- Помолчи, пижон! - пробурчал Паша, пятерней потирая пришибленное плечо. Приветливость паренька показалась по-

дозрительной. Пеночкин привычно призадумался: "Поддержал... Помог... Просто помог?!..." Почему-то подобное предположение показалось предельно примитивным. Поселковый Пинкертон приободрился. Почему парикмахер пытался показаться приятным предупредительным помощником? Похоже, показной помощью просто прикрывал преступные противозаконные планы. Придется проследить предприимчивого пройдоху.

Потому-то предусмотрительный патриот-правдолюбец Павел Пеночкин, прикидываясь посторонним прохожим, потихоньку пошел по пятам подозрительного парикмахера. Путь преградил покосившийся, покинутый продавцами павильончик. Подойдя, пижон постучал, похоже, привычным перестуком. Послышалось пьяное пение, потом произнесли:

- Привет, партнер! Проходи, присоединяйся!

- Понятно, пароль, - подумал притаившийся Паша. - Посмотрим... Послушаем...

Подойдя поближе, Пеночкин принюхался. Подозрительно пахло пивом. Почему пивом? Последние припасы подобного питья поселок прикончил прошлой пятницей.

Пока Паша переваривал подробности происшедшего, подозрительный парикмахер пропал. Первоначальные предположения полностью подтверждались. Полусгнивший павильончик, протяжно поскрипывая, прятал преступников.

Пришлось подкрасться поближе. Предусмотрительно притаившись, Паша привычно прислушался. Прятавшиеся под покровом павильончика преступники приветствовали парикмахера, посмеивались, приглушенно переговаривались, потом почему-то произнесли:

- Понедельник... Последний паром... Поездка...

Приободрившийся Паша попытался, проникательно по-няв: послезавтра парикмахер, претворяя преступные планы подельников, поедет последним паромом. Паша призадумался: похоже, придется пожертвовать понедельником. Провидение предоставляет Паше попытку предотвратить потайное подлое преступление. Пожалуй, подобный подвиг по плечу преданному поборнику правды, постоянному помощнику правосудия...

Потому-то прибытие припоздавшего парома, потом появление перекрасившегося парикмахера приятно порадовали приунывшего, промокшего, порядком продрогшего Пинкертон. Первоначальная Пашина проницательность принесла плоды. Подозрение полностью подтвердилось. Парикмахер приехал по предварительно предусмотренному плану. Преступление продолжается. Попался, подлый пройдоха, презренный плут! Простой положительный парень Павел Пеночкин поможет правосудию, пресечет преступные поползновения подобных пижонов!

Привычно прихрамывая, Паша победоносно подошел поближе... Потом, присмотревшись получше, почему-то побледнел, почувствовав паническую печаль. Перед Пеночкиным прошествовала пожилая представительница прекрасного пола, первоначально показавшаяся полуслепому преследователю подлым преступным парикмахером.

"Провал! Позорный провал! Повезло пижону!" - печально подумалось приунывшему Пинкертону. Паша привычно погрузился, подробно проанализировал появившееся препятствие, потом, подумав, приободрился: "Пойду просушусь, побреюсь, подштопаю прохудившиеся перчатки, позавтракаю. Пускай переменчивое провидение пока помогает преступникам. Паша привык получать подобные подарки! Паша подождет! Пусть порадуются, презренные! Пусть... Потом придет праздник Павла Петровича Пеночкина! Плащ подсохнет, продолжение последует. Правда победит!

*г. Комсомольск-на-Амуре,
1986 г.*

ПРИШЕЛЬЦЫ

Платон Петрович Пакин проснулся под переливчатое пение поселковых петухов. «Пожалуй, пора подниматься» - позёывая, подумал Платон. Присел, пригладил пятернёй порядком поредевшую причёску. Посмеиваясь, пощекотал приоткрытую пятку похрапывающей Полины. Полина, продолжая похрапывать, привычно пнула Платошу, пробормотав:

- Прекрати, придурок.

Платон поднялся, постоял, по-прежнему похихикивая. Потом, прихватив пачку папирос, пошёл покурить. Предутренняя прохлада приятно подбадривала, прогоняя последнюю полудрёму. Прикурив папироску, Платон прислушался. Предрассветная полутьма почему-то подозрительно постукивала, попискивала, почти подвывала, перебивая петушиное пение. Присмотревшись попристальнее, Пакин протяжно присвистнул.

Прежде пустынное, перепаханное поле позади посёлка поразительно преобразилось. Прямо перед приунывшим Платоном поднимался прямоугольный пилон, подсвеченный потайными прожекторами.

- Похоже, повторяется прошлогоднее приключение, - поморщившись, подумал приунывший Платоша.

Пока Платон Петрович панически переживал происходящее, правая панель пилона приоткрылась. Появился плосколицый представительный Первый пришелец. Панель приоткрылась пошире. Показались пятеро попутчиков - провожатые Первого.

Паралитически переступая прошипованными подошвами, Первый пересёк поле, подошёл поближе, причудливо перебирая пальцами, похоже, пытаясь пояснить причину поспешного приземления. Платоша подозрительно принял. Пахло примитивным перегаром.

- Предположение полностью подтверждается. Понятно, почему прервался полёт, - презрительно подумал погрустневший Пакин, - подзаправиться присели. Подавай, Платоша, птичкам перелётным первачок, пока просят пристойно. Пойдут потрошить припасы - получится премного паскуднее. Повадились, подлые побирушки! Подумаешь, покорители пространства!

Пришельцы приближались. Почувствовав приличный перевес, Платон притворно приветливо присел перед посапывающим предводителем, приниженно попросил:

- Пожалуйста, потише! Перебудите посёлок.

Потом, поспешно пятась, приглашающее помахивая пятернёй, попутно принялся панически подсчитывать подробности предстоящих потерь. Первый проворно подошёл поближе, предвкушая предстоящую попойку. Попробовав питье, предложенное Платошей, предводитель пришельцев, плотоядно причмокивая, покровительственно провозгласил:

- Прекрасное продолжение полёта. Процесс проверки первой партии пошёл. Приступаем!

Правильно предполагал переполошенный Платон: следовавшее потом пиршество повлекло пренеприятнейшие последствия. Пока прочие пришельцы, перечокавшись, пригубливали предложенный прекрасный первачок, приправленный перцем (пусть почихают, папуасы перепончатые!), порядком принявший Первый, поверженный пагубным пристрастием, прилёг передохнуть подле палисадника. Подозрительно протрезвевшие попутчики переглянулись, перемигнулись, потихоньку посовецавшись, подозвали Пакина.

- Пусть пока проспится. Потом прилетит попуткой, - приглушённо предложил Пятый, панибратски похлопав Платошу по плечу.

- Прилетит, прилетит, - подобострастно пятась, пытаясь поскорее прекратить переговоры, прошепелявил плюгавый Последний. - Прощай, Платошенька! Попробуешь помешать, придётся применить парализатор.

Прочие, понимающе поддакивая, проворно покинули пирושку.

- Перехитрили, подонки, подлые проходимцы, перевёртыши проклятые! - потерянно подумал Платон Петрович. - Подкинули постояльца... Придётся приютить... Поинка прознает - прибьёт...

Парабола полёта прочертила предутреннее поднебесье. Покинув планету, «пилон» пришельцев, пересчитывая парсеки пространства, помчался прочь.

... Пакин проснулся после полудня. Полежал, потрясенно припоминая подробности происшедшего, потом, приободрившись, подумал: «Пронесло! Приснится подобная передрыга, пшик. Потом полдня переживаешь попусту. Похоже, прилично перепил позавчера. Права Поинка: пора, пора пить поменьше... Пойти похмелиться?»

Платон проворно поднялся. Потом, побледнев, перекрестился, потерянно присел, потирая переносицу, Под припечком, прямо перед поникшим Платошей, посапывал почему-то перевязанный Поинкиным передником, прикрытый потёртым полосатым половичком пилигрим пространства, предательски покинутый подлыми попутчиками. Плотно прижав перину пальцами, Платон переполошенно повторял:

- Привидение! Пропади! Пропади!

Подпечное привидение просто проигнорировало пламенную просьбу Пакина. Потянувшись, почесав признаки переносицы, потом - пародийное подобие причёски, пришелец-путешественник приподнял подбровные плёнки, потешно поморщился.

- Пи-и-ть... - повелительно простонал предводитель. - Платошка, принеси пивка похолоднее...

Пытаясь присесть попряме, пришелец презрительно прошипел:

- Предводитель под примитивной печкой! Позор! Просто позор! Поскорее пошевеливайся, пугало приземлённое!

Побелевший Платон Петрович перепугано подскочил, пошатнулся... Покачнулся.... Пол предательски поплыл под подошвами...

- Поинка! Помоги! Помираю, - простонал побагровевший Платоша, плавно падая подле пыхтящего пришельца... Попытался привстать... Потом притих...

Приключение продолжалось...

31.10.05

ОСОБЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Однажды областной ответработник Осип Осипович Опокин, отлично отдохнув от обширных ответственных обязанностей, окрыленный оказанной обходительностью, отъехал от огромного особняка Олимпиады Остаповны.

Обласканная, одаренная очаровательными обновами, обворожительная Олимпушка охотно оказывала особое отношение осанистому, обладающему определенным обаянием Опокину. Отобедавав отличными отбивными, ободренный огненными глазами обольстительной озорницы, Осип Осипович окончательно определил: обитательница обширного особняка определенно обожает обстоятельного, облеченного ответственностью опекуна, ограждающего одинокую, очаровательную Офелию от обстоятельств, обескураживающих обидной обыденностью. Ощущая отличную обивку, Опокин отдыхал от обильного обеда...

Однако, отчего-то оглянувшись, Осип Осипович опешил.

- Ого, Олег! Откуда он объявился, овечье отродье? - озаченно охнул основательно озадаченный Опокин...

Осторожно обогнув особняк, Олег опасливо остановился около открытого окна Олимпиадиной опочивальни. Ого! Осмотрев окрестности, окончательно обнаглевший оболтус отодвинул оконную окаемку... Отобедавшая Олимпиада, отправив обожаемого Осю, очевидно, отдыхала, отстранясь от обыденных околохозяйственных обязанностей...

- Олимпиада Остаповна! Отзовитесь! - охваченный опасным огнем, осторожно окликнул Олег.

- Опять объявился! Ох, озорник! Ох, обольститель окаянный! - обворожительно окая, охотно отозвалась Олимпиада. - Остынь, охальник!...

Однако опомнившийся, очень обескураженный, Осип Осипович, охрипнув от очевидного оскорбления, оборвал опасные откровения обомлевшего Олега:

- Остолоп! Обалдуй! Образина! Отойди от окна, осел стриженный!

...Опокин оттащил ошарашенного Олега от окна обмершей Олимпиады. Окончательно озверев, оскорбленный опекун

оглядывался окрест, отыскивая отсутствующую оглоблю. Опасная обстановка окончательно обострилась. Опешивший облаянный Олег, окосев от обиды, онемев от обвинений, обдумывал оправдание, осторожно отступая от озлобленного, очень обиженного, обескураженного очевидным обманом Опокина.

Опомнившаяся Олимпиада осторожно оглядывалась, оценивая обстановку. Обиженно охая, она отчаянно окликнула обезумевшего Опокина:

- Охолонитесь, Осип Осипович! Откажитесь от огульных опрометчивых обвинений! Отпустите Олега!

Оскорбленно опустив очи, она обессиленно облокотилась, открывая очаровательные округлости. Отрешенно оправляя обмятые оборочки, обиженная Олимпиада объяснила:

- Осип Осипович! Остановите очернительные оскорбления! Особые обстоятельства однозначно оправдывают остановку означенного отрока около открытого окна. Оказывается, один оболтус, обознавшись, очень обидел Олега, обозвав облезлой обезьяной. Оскорбленный Олег основательно отлупил обнаглевшего обидчика. Однако, отлупленный открыто обещал обязательно оскальпировать Олега. Оценив открывшиеся обстоятельства, Олег очень опасается отмщения. Осип Осипович, окажите особое отношение, оградите обиженного от осинога отродья!

Очаровательная околесица, озвученная очень опечаленной Олимпиадой, окончательно оправдала ошибочно оклеветанного Олега. Ослабив обличающие обертоны, отечески обняв обалдевшего Олега, Осип Осипович обещал:

- Оградить? Очень охотно. Однако обеспечить определенную оплату.

Он одобрительно осмотрел остолбеневшего Олега.

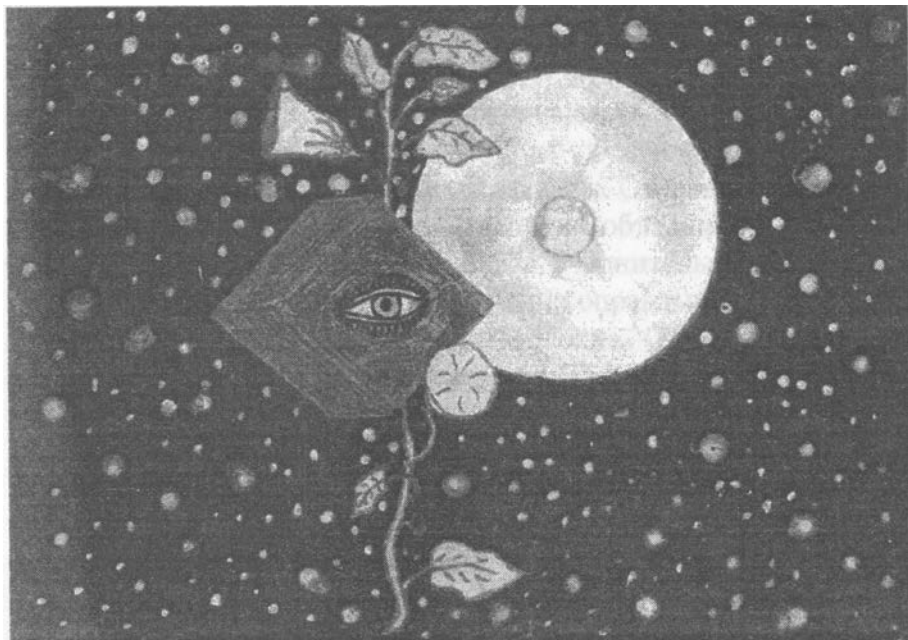
- Оплату? Оплату обеспечу обязательно! - обласканный отрок обалдело оглядывался окрест, ожидая оглашения очевидной ошибки.

Однако, окончательно остыв, Осип Осипович опять отъехал от особняка.

Олимпиада Остаповна осторожно открыла остальные окна, оглядывая окрестности.

- Опасность огласки отступила окончательно! - объявил обрадованный Олег, обнимая отчего-то оробевшую, обалденно очаровательную обманщицу Олимушку.

*г. Комсомольск-на-Амуре,
1985 г.*

(рисунок Кухтина Дмитрия)

ОКОЛОФАНТАСТИКА

НЕ НАВРЕДИ...

...За стеной плакал ребенок. Плакал он с небольшими перерывами вот уже в течение полугода. Этот плач сопровождался разнообразными звуками: от ласкового, нежного женского шепота до басистых нервных вскриков, от колыбельных простеньких песенок до грохота мощных современных звукопроизводящих устройств. Но все ухищрения юных родителей разбивались о непобедимое монотонное "уа". Впрочем, не такое уж и монотонное. С каждым днем оно приобретало все большую гамму оттенков и становилось все напористей и непреклоннее...

...По своей природе я очень уравновешенный человек. И это один из главнейших факторов, по которым ОНИ выбрали меня. Двухлетние методические тренировки по особой системе Кинто еще больше укрепили мою нервную систему, а допуск к Истине настолько резко увеличил мои скромные возможности, что год назад я получил Право Избранных На Особый Контакт (ПИНОК). Правда, это только так говорится: *к о н т а к т*. На самом же деле существовало столько дополнительных запретов, запретиков и оговорок, ограничений и условий, что о настоящих контактах оставалось лишь мечтать...

И вот сейчас, благодаря этому, почти непрерывному полугодовому "уа-а", все грозило пойти прахом. Моя железная выдержка, хладнокровие, ясность ума, моя знаменитая в соответствующих кругах сверхреакция - все оказалось под угрозой. Уже появились первые симптомы. Сегодня ночью в течение десяти минут меня мучила самая настоящая бессонница. Я понял: нужно срочно что-то предпринимать. Разумеется, это не будет настоящий контакт. Просто маленькая проба сил. Нужно же когда-то теорию подкрепить практикой...

И вот, когда "уа" раздалось необычайно громко, а затем было почти заглушено чьими-то совсем не младенческими бесильными рыданиями вперемешку с разъяренным басом и звуками, весьма похожими на увесистые шлепки, я решительно вышел на площадку и нажал кнопку звонка...

Дверь открыло большеглазое юное создание. Каких-то полгода назад я видел ее такой безмерно счастливой, что зами-

рало сердце, а ее не менее юный и не менее счастливый супруг почему-то вызывал глухую неприязнь и даже, смешно подумать, что-то, похожее на ревность. А ведь даже в *нашем* словаре это слово стоит с пометкой "атавистическое".

Но надо отдать должное: даже по моим меркам старого убежденного холостяка это была очень симпатичная, милая полуженщина-полуребенок. И вот что удивительно: даже ожидание нынешнего паршивца только украшало ее и делало еще более трогательной и беззащитной...

И вот сейчас она стояла передо мной с таким безысходным горем на подурневшем (!), залитом слезами лице, что я еще больше укрепился в своем решении...

Испуг, недоумение, какая-то неосознанная надежда - вот первое, что я прочитал в ее глазах. Они не доверяли и умоляли одновременно...

- Извините, пожалуйста! - тихо сказала она. - Мы сейчас... Мы успокоим его... Маленький немножко переволновался...

Она еще что-то лепетала в свое оправдание, а я смотрел на нее и странное, никогда ранее не испытанное чувство нереальности охватывало меня. Одно ее слово и я (Я?!), не задумываясь, брошусь в огонь, в воду, в пропасть, в бездну...

- Стоп! - мысленно крикнул я и сказал:

- Разрешите войти?

Она испуганно посторонилась.

...Голубые смысленные глазки, белокурые шелковистые локоны, умилительно пухленькие ручки и не менее пухленькие ножки... Еще бы два белоснежных крылышка за спиной и чем не ангелочек?

Но "ангелочек" лишь на несколько секунд прервал свое основное занятие. Увидев чужое лицо, он издал новый пронзительный вопль...

Я внимательно посмотрел на него. Ребенок удивленно замолчал.

- Это что еще за чучело? - примерно так можно было перевести его мысленную реакцию.

- Э, дружок, да ты просто дурно воспитан, - тоже мысленно отвечал я.

- Ха! А тебе-то какое дело? И, вообще, вали отсюда! Иначе такой концерт задам!

- Ну, теперь-то не задашь!

Я быстро взял его за руку и, внимательно глядя в глаза, обследовал этого упряма. Ну, что ж, физически, можно сказать, идеально здоровый ребенок. С психикой тоже все в норме. А вот эгоцентр увеличен катастрофически... Все понятно. Чрезмерная родительская любовь и, я бы сказал, абсолютная педагогическая беспомощность сформировали этого бессердечного упряма. С первого дня своей жизни он стал центром маленькой Вселенной - семьи. Все только ему, только для него. Знакомая картина...

Ничего, шесть месяцев - не шесть лет. Я быстро сконцентрировался и мысленно объяснил ему первые пять заповедей Человека Мыслящего и тут же закрепил их. И, разумеется, никакого насильного подчинения, только осознанная необходимость...

- Что он сделал с ребенком? Что ему здесь нужно? - раздраженный мужской голос врезался в звенящую тишину.

Я обернулся и, первое, что увидел, были ее глаза: испуг и изумление, недоверие и восхищение - целая гамма чувств билась в этих бездонных голубых озерах. А где-то там, за ней надвигалось разъяренное мужское лицо, не предвещавшее ничего хорошего. Это был он: муж, мужчина, отец, хозяин...

- Поторопись! - мысленно подстегнул я себя, а им командовал:

- Забыть! Меня здесь не было! Забыть! - и быстро вышел из комнаты...

Прошел час, другой... За стеной ни звука...

Наступил вечер. А за стеной все та же, какая-то ненормально напряженная тишина. Я блаженствовал, мысленно перебирая все мельчайшие подробности своего сегодняшнего визита, в который раз представляя себе милое заплаканное женское лицо. Затем его сменяла лукавая мордашка этого маленького постреленка, а иногда где-то вдали неясно проскальзывало разъяренное и беспомощное лицо его недотепы-отца...

Пронзительная сирена "скорой помощи" грубо оборвала мое благодушие. Я подошел к окну и увидел, как два дюжих мужика в белых халатах быстро входят в наш подъезд. Холодный пот прошиб меня, я выскочил на площадку, и вовремя. Мужики звонили в соседнюю дверь... Тут уж не до церемоний, и я вместе с ними вошел в квартиру...

- Ради Бога, помогите! Моя жена... Она, кажется, сошла с ума!

Несчастный, совсем еще мальчишка, с какой надеждой он смотрел на нас.

- Не волнуйтесь, сейчас разберемся... Где жена?

- Там в детской...

Она не обратила на нас никакого внимания. С ужасом глядя на растерянно улыбающегося ребенка, она почти шепотом повторяла одно и то же:

- Почему ты не плачешь? Ну, почему ты совсем не плачешь? Что с тобой случилось?

- В чем проблемы? - один из вошедших осторожно, но уверенно взял ее за руку.

Увидев белый халат, она обеими руками вцепилась в мужчину и быстро-быстро заговорила дрожащим, испуганным голосом:

- Доктор! Понимаете, он не плачет! Совсем не плачет! Что с ним, доктор?! Он всегда, понимаете, всегда плакал! А сейчас он... улыбается...

Последнее слово она почему-то произнесла шепотом, испуганно оглядываясь на детскую кроватку.

- Ребенок улыбается! Да это же прекрасно! У вас чудесный здоровый малыш! Он ухожен, накормлен, у него отличные заботливые родители. Зачем же ему плакать?! - мужчина осторожно старался оторвать ее руки от своего халата. Второй в это время лихорадочно готовил шприц...

- Заплачь! Немедленно заплачь! - мысленно закричал я.

- Но зачем? Я совсем не хочу плакать! - малыш обиженно уставился на меня. - И потом, ты же сам говорил про Первую Заповедь...

- Не спорь, потом я тебе все объясню, а сейчас ты должен, понимаешь, просто должен заплакать. Вспомни, как ты это делал раньше!

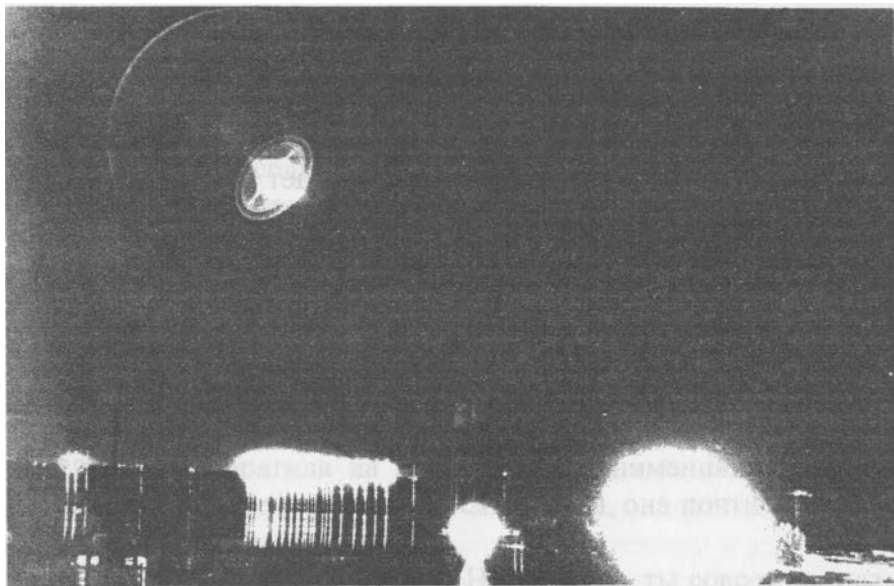
- Странные вы какие-то, взрослые! Ничем вам не угодишь - мысленно огрызнулся он и громко, нет не заплакал, а зарорал, что было мочи...

Счастливая мать, одновременно рыдая и смеясь, тут же прижала его к груди:

- Вот видите! Он плачет! Все в порядке! Он плачет!

Я тихонько вышел из комнаты... А с малышом я объяснюсь потом...

*г. Комсомольск-на-Амуре,
1995 год*

ВСЁ МОЖЕТ БЫТЬ

Пашка ехал к бабушке. Почти пустой автобус резво катил по заснеженным улицам. Пашка сидел на переднем сиденье, смотрел в окно и вспоминал космический боевик, который показывали вчера по телеку.

- А здорово он их! Бах! Бах! А этот как замаскировался! Никто бы в жизнь не догадался, что он инопланетянин!

Потом Пашкины мысли приняли другое направление:

- А ведь может так быть, что инопланетяне и вправду существуют. Может, даже в этом автобусе едет один из таких типов, читает наши мысли и, вообще, проводит инопланетную разведку...

Пашка даже поежился от такого предположения и потихоньку осмотрел едущих в автобусе.

Прямо напротив него молодая мамаша успокаивала капризничавшего малыша лет двух, которому очень хотелось одновременно смотреть в окно и взобраться на спинку сиденья. Чуть подальше два пенсионера увлеченно обсуждали дачные и пенсионные проблемы. Где-то посередине автобуса дремала ху-

денькая аккуратная бабуся. Кондукторша копалась в своей сумке, видно, подсчитывала выручку...

- Придут же такие глупости в голову. Инопланетяне, ха-ха! - Пашка облегченно вздохнул и уставился в окно...

...А вот и его остановка...

...Когда Пашка выходил из автобуса, то вдруг услышал, как вслед ему несколько голосов, мужских, женских и даже звонкий детский, громко произнесли:

- Все может быть...

*г. Комсомольск-на-Амуре,
15.12.2000*

ТОПУШКА

(сказка для детей)

В густом-густом дремучем лесу жил огромный старый медведь. Жил он не один, а со своим внуком, веселым непоседливым медвежонком Топушкой.

Вот однажды Топушка и говорит:

- Дедушка, отпусти ты меня в лес погулять, медку поискать, малинкой полакомиться.

- Иди, внучек, да смотри, не опоздай к обеду...

Вот идет Топушка по лесу, шагает, песни напевает. Вдруг слышит:

- Ой, ой, спасите! Ой, ой, помогите!

Осмотрелся Топушка и видит: злой хорек подбирается к маленькому птичьему гнездышку. Птенцы в гнездышке от страха клювики пооткрывали и испуганно пищат:

- Ой, ой, кто нам поможет? Ой, ой, кто нас спасет?

- Я вам помогу! Я вас спасу! - крикнул Топушка, подбегая к дереву. Но хорек не стал дожидаться медвежонка, тут же юркнул с дерева и был таков.

Обрадовались птенчики, запищали:

- Спасибо тебе, Топушка! Доброе у тебя сердце!

Пошел Топушка дальше, шагает, песни напевает. Вдруг слышит, опять кто-то на помощь зовет:

- Ой, ой, спасите! Ой, ой, помогите!

Осмотрелся Топушка по сторонам и видит: сидит под деревом маленький бельчонок, дрожит от страха. Видно, из дупла выпал, а забраться назад не может, маленький очень. А из-за кустов уже лиса-плутовка выглядывает, облизывается. У бельчонка от страха шерстка дыбом поднялась и пищит он, что есть мочи:

- Ой, ой, кто мне поможет? Ой, ой, кто меня спасет?

- Я тебе помогу! Я тебя спасу! - сказал Топушка и прогнал лису, а бельчонка в дупло посадил. Тут и мама-белочка прибежала:

- Спасибо тебе, Топушка! Доброе у тебя сердце!

Идет медвежонок дальше, шагает, песни напевает. Вдруг, что такое? Опять кто-то на помощь зовет. Видит Топушка, что сидит на пеньке зайчонок и горько-горько плачет.

Спрашивает его Топушка:

- Ты чего плачешь?

- Как же мне не плакать? - отвечает зайчонок. - Не послушался я папу, не послушался я маму, убежал один из дома, да и заблудился. Что теперь со мной будет? Кто мне поможет? Кто меня спасет?

- Ладно, не плачь! - говорит медвежонок. - Я тебе помогу. Знаю я, где ты живешь.

Взял Топушка зайчонка и отнес его к заячьему домику.

Ох, как обрадовались папа с мамой:

- Спасибо, тебе, Топушка! Доброе у тебя сердце!

Хотел медвежонок дальше идти, да пора домой возвращаться, обедать пора. Так и не покушал он медку, малинкой не полакомился. Но делать нечего, ведь обещал дедушке к обеду вернуться. Пошел Топушка назад.

Подходит к дому, а у порога его дед встречает:

- Иди, внучек, я тут тебе корзину малины припас, да туюсок меду.

- Ой, дедушка, а откуда ты знаешь, что не покушал я ни медку, ни малинки?

- Да уж знаю! - ласково заворчал дед. - Тут сорока прилетала, все мне рассказала: и как ты хорька прогнал, и как бельчонка спас, и как зайчонку помог. Вот я и приготовил тебе гостинец!

- Спасибо тебе, дедушка! Доброе у тебя сердце!

Тут и сказке конец, а кто слушал, молодец.

*г. Комсомольск-на-Амуре,
1990 г.*

СОДЕРЖАНИЕ

Замечания о творчестве Антонины Кухтиной (Г. Н. Хлебников)	3
Кухтина Антонина Николаевна (стихи, рассказы)	6
РАССКАЗЫ - БЫЛИ	7
Одна жизнь	8
Вражда	14
Валюшка	17
Выбор	21
Поцелуй	25
Улика	30
Прости, сынок	33
Жестокость или милосердие?	37
История с медведем	42
Мерзавец	43
Пожар	45
Тройчата (быль времён Гражданской войны)	48
Илюха (быль времён Гражданской войны)	50
После войны (воспоминания)	52
1. Очередь за хлебом	52
2. Инвалиды	54
Афганистан (документальный рассказ в письмах)	57
Небольшие истории о стихах	68
Синяя тетрадь	68
«Гроза»	69
«Цыганка»	69
Праздник	71
Гаврилиады	71
Послесловие	73
ЮМОРЕСКИ (из цикла «Эти забавные буквы»)	74
Печальные приключения поселкового Пин- кертона	75
Пришельцы	78
Особые обстоятельства	81

ОКОЛОФАНТАСТИКА	84
Не навреди...	85
Всё может быть	90
Топушка <i>(сказка для детей)</i>	92
Содержание	94

Авторские права охраняются законом Российской Федерации об авторском праве. Воспроизведение всего сборника или его части запрещается без письменного разрешения автора или его правопреемника.

ОДНА ЖИЗНЬ
(*Рассказы-были, юморески, околочантастика*)

Рецензент Хлебников Г. Н.

Редактор Щербакова О. Е.

*Компьютерный набор, составление, оформление и вёрстка
Кухтиной А.Н.*

Фотографии Кухтиной А. Л.

Тираж 150 экз.

*г. Комсомольск-на-Амуре
2007 г.*

402

1

